

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ЯРОСТЬ СЛАВЯН

В закоулках Мироздания - 5

16+

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Ярость славян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29612577

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1074-8

Аннотация

Вторая половина VI в. Жестокие авары творят бесчинства на территориях поднепровских славян. Но внезапно появившийся архонт-колдун со своим могучим войском становится той силой, которая способная объединить славян и дать отпор захватчикам. Перед этой мощью трепещут свирепые авары, а император в Константинополе не на шутку обеспокоен. Прекрасно вооруженные остроухие женщины-воительницы несут смерть на остриях своих мечей, и напрасно авары вызывают к своему злобному божеству – они будут стерты с лица земли, а все славянские народы на триста лет раньше объединятся в мощное государство.

Содержание

Часть 17	4
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Часть 17

5 августа 561 Р.Х. День третий. Утро. остров Хортица (Волчий), в нижнем течении Днепра сразу за порогами. Ставка светлейшего князя антов Идара (Идариса или Идарасия)

Услышав недобрые вести, пришедшие из ставки аварского кагана Бояна, светлейший¹ князь Идар согнулся как от удара ногой в живот. Его сыновья, его надежда и будущее, Мезамир и Келагаст, посланные к аварам послами с миссией мира, были вероломно ими убиты, невзирая на неприкосновенный ранг послов. Авары, недавно появившиеся в этих местах и год назад примучившие племя болгаров-кутригуров хана Забергана, и до того нападали на левобережные селения племени уличей, входящего в антский племенной союз. Но теперь, после этого злодейского убийства аварами послов, следовало ждать настоящего нашествия на все земли антов – такого, какого славянская земля не знала с тех времен, когда по этим землям проходили сперва готы, а потом и неисчислимые орды гуннов.

Славяне жили в степи привольно, не огораживая свои селения стенами, надеясь только на доблесть всадников, у юж-

¹ Светлейший князь – военный вождь, избранный для того, чтобы управлять дружинами и племенным ополчением союза племен. Вождь племени будет именоваться светлым князем, а рода – просто князем.

ных родов и племен именуемых богатырями, а у северных – полянами или витязями. Но что пользы с доблести немногих, когда на каждого из них наваливается по несколько десятков врагов, а у полянина даже и оружия хорошего-то нет. Обычное вооружение славянского воя – легкий деревянный щит, копье, несколько дротиков для метания и лук со стрелами, зачастую отравленными; меч же – очень большая редкость, чаще присутствует легкий топорик. Оружие из хорошей стали тоже редкость, обычно в ходу мягкое сыродутное железо или даже кость. Доспехи есть только у единиц, послуживших в наемных войсках константинопольских базилевсов и сумевших вернуться оттуда живыми, как сам князь Идар, в молодости участвовавший в Готской (Италийской) войне под командованием самого Велизария.

Сам-то князь, прошедший огонь, воду, медные трубы, видавший Крым, Рим и попову грушу, прекрасно понимал, насколько ничтожны его силы в этом столкновении. Если собрать всех полян-богатырей вместе, то наберется не более двух тысяч всадников, да тысяч двадцать или тридцать пешего ополчения, которое еще надо собрать, потому что идет горячее время жатвы, когда один день может кормить целый год; и если чуть промедлить или поспешить, люди, которых он, быть может уберезет, от плена и рабства, зимою все до единого перемерут от лютого голода.

К тому же собирает ополчение не он, светлый князь, а родовые веча. И если те роды, что стоят на пути вражеского на-

шествия, без сомнения, дадут ему воинов, то все остальные могут решить, что их хата с краю, и что лучше всего будет отсидеться, не высовываясь, а не класть головы в кровавой сече, спасая менее удачливых соседей. А у врага, после того как ему удалось примучить племя болгар-кутригуров, никак не меньше сорока тысяч всадников из которых почти половина тяжелая латная кавалерия².

Все, что сможет делать князь Идар, так это маневрировать своими небольшими силами, наносить удары и тут же отскакивать, надеясь на то, что вражеское войско слишком велико и неповоротливо, а интерес его в славянских землях не очень велик, ибо что брать с голодранцев. Так что в ближайшее время авары непременно должны уйти дальше на запад, к Византии и Паннонии, богатым, как намазанный на хлеб смалец с медом.

Но пока это произойдет, народ антов окажется обескровленным, потеряв многих и многих, и больше никогда не сможет подняться на достойную высоту. А ведь какая жалость. С болгарами, которые были соседями антов до авар, отношения были не в пример лучше. На степной границе царил мир,

² Разумеется, латной эта кавалерия является только в представлении степняков, ибо там еще не родились кони, способные нести в огонь сражений настоящих латников, с головы до ног закованных в миланскую или толедскую сталь. И если они появятся, то их пищей должна быть не трава – корм мирных волов, а отборный ячмень, который через тысячу лет после описываемых событий будет считаться таким же стратегическим сырьем, как в наше время нефть и продукты ее переработки. Сколько страна соберет ячменя, столько тяжелой рыцарской кавалерии она сможет содержать.

и каждый год на жирные черноземы с лесных полян выходили все новые и новые славянские поселенцы, привлекаемые собираемыми здесь невиданными урожаями. Еще сотня лет спокойной жизни – и на этих землях собралось бы так много землепашцев, что через то многочисленное и храброе войско, которое они смогут содержать, не прорвался бы ни один враг, даже такой, какого представляли несметные полчища самого Атиллы.

Тревожило князя и то, что константинопольские купцы, в конце каждого лета приплывавшие на остров Хорта (Волчий) для менового торга, вдруг засобирались в обратный путь, даже не начав настоящей торговли и не дождавшись, когда с верховых поднепровских селений на лодках в рогожных кулях повезут полбу, ячмень, рожь, овес и просо. Неожиданно засобирался к себе в Константинополь и чернорясый жрец заморского бога Дионисий, так и не обративший никого в свою рабскую веру. Почуяли что-то нехорошее, крапивные души, торопятся уйти от неминуемого удара, знают, что не будут злобные авары разбирать, кто тут славянин, а кто ромей – всех подметут под одну гребенку, запродав в рабство в далекую Персию или в тот же Константинополь. Докажи потом, что ты был свободным купцом, а не родился с клеймом на бедре и с колодкой на шее, как двуногий скот.

Правда, помощник того самого отца Дионисия, по имени Макарий, куда-то пропавший после позавчерашней по-

пойки с воями княжьей дружины, внезапно объявился в самом непотребном виде, причем трезвый как стеклышко. При этом он плел всякую околесицу про то, как прямо возле шатра его похитили лихие поляницы, после чего злая ведьма пыталась у него, какой сейчас год от рождества Христова, месяц и день, какой император сидит на троне в Константинополе, да кто в этой славянской земле набольший князь. Глупые вопросы, ответы на которые ведомы даже малому дитю. А потом две чертовки-суккуба, то бишь по-славянски «мавки», вытягивали из этого Макария мужские силы на ложе и тоже задавали вопросы, но только Макарий запомнил какие.

– Каюсь, отче, – ползал тот на коленях перед отцом Дионисием, – грешен, не устоял перед искушением, целых три раза не устоял.

Ну, с Макарием князю было все понятно – очень хорошо у человека подвешен язык, который может рассказывать разные занимательные истории из жизни набольших константинопольских людей хоть на славянском, хоть на болгарском, хоть на готском языках. Потому и зовут его вои пропустить кубок-другой крепкого меда и послушать, как он рассказывает занимательные враки о премудрой базилиссе Феодоре, великом полководце Велизарии, его верном слуге Прокопии Кесарийском, и не менее великом императоре Юстиниане. Несколько раз князь сам приходил послушать эти байки, сидел, посмеиваясь в усы. Он сам был свидетелем большинства из тех событий и четко знал, где рассказчик говорит правду,

где привирает, а где и перевирает...

Так вот, Макарий – известный болтун и лгун, и верить его словам никак нельзя, но ведь это не объясняет, куда он мог деться, отсутствуя почти сутки. Остров не так уж велик, отец Дионисий с утра поднял крик о том, что люди князя похитили и убили его человека, после чего князь вои перетряхнули весь остров, заглянули под каждый камень и в каждую мышиную норку только для того, чтобы этот проклятый всеми богами, да и самим Родом, Макарий под вечер объявился сам и рассказал эту дурацкую историю. Теперь его загонят в какой-нибудь медвежий угол, но князя это мало волновало. Своя рубашка и заботы о своем народе были ближе к его телу.

Вот уже несколько дней через брод у Волчьего острова непрерывным потоком шли беженцы-уличичи с поселений левого берега, успевшие оставить свои поселки перед приходом авар. По их словам, каган Боян со своими несметными войсками был уже совсем близко. А это значит, что пора бы и самому Идару подумать о том, чтобы оставить столь известное и опасное место, или ему придется вместе со своей дружиной из трехсот самых отборных воев-полян, пасть прямо здесь, защищая от врага самое удобное для переправы место и давая возможность спастись как можно большему количеству пахарей-родовичей.

Неизвестно, какое решение принял бы светлейший князь Идар, но тут неожиданно за пределами княжьего шелкового

шатра раздались тревожные крики воев. Услышав их, нахмурившийся (хотя куда бы еще больше), князь отдернул полог и вышел наружу. А там, в безоблачных летних небесах, куда указывали персты перепуганных мужчин, нечто блестящее подобно звезде пересекало небосвод, оставляя за собой белый курчавящийся след. Впрочем, якобы премудрые и просвещенные их богом ромеи паниковали не меньше, а как бы даже и больше княжеских дружинников. Несомненно, это явление было знамением; но вот доброе оно или нет, князь не знал. Неожиданно ему стало все равно³.

– Вои, – зычным голосом рывкнул Идар, обнажая меч, – воистину это доброе знамение, которое сулит нам победу, а врагу гибель, ибо сам Перун спешит к нам на помощь со своей дружиной. Будем боронить Перетопчий брод и рассы-
лать вицы⁴ по антским родам, уличей, тиверцев и россичей, а также слать гонцов за помощью к древлянам, полянам, белым хорватам, северянам, волынянам и дреговичам.

* * *

Семьдесят восьмой день в мире Содома. Утро. За-

³ В нашей истории князь Идар фигурировал до начала 580-х годов, что было невозможно, если бы он со своей небольшой дружиной один на один вышел против аварско-булгарского войска.

⁴ Рассылка виц, то есть особым образом сплетенных венков означает сбор племенного ополчения. Позже, в средневековой Польше, означала сбор Посполитого рушения, то есть всеобщей мобилизации.

брошенный город в Высоком Лесу

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Три дня, потраченные нами на разведку, не пропали даром. Теперь мы знаем многое об этом мире, входящем в Основной Поток, а следовательно, являющемся более или менее точным слепком нашего прошлого. Как говорит отец Александр, которого я уже воспринимаю как эксперта по этому вопросу, отклонения от нашей истории возможны, но такие, которые не будут влиять на конечный исторический результат. Получив такое разъяснение и имея на руках год, месяц и даже число по местному христианскому летоисчислению, а также тактическую обстановку на месте будущего макровоздействия, мы были уже готовы засучить рукава и взяться за работу, но мешало одно «но». Ну ни хрена я не тактик, и тем более не стратег. И опыта не хватает, и специальных знаний, какие дают в академии, а еще, возможно, специфического таланта. Единственное, что мне пока приходит в голову, это закружить авар и булгар-кутугуров (авар в первую очередь) в жалящей карусели мелких диверсионных ударов, набегов на стада и обозы с семьями, на тыловые гарнизоны и караваны с захваченными рабами, которые они отправляют на рабский рынок в Херсонес. Хоть Византийская империя и является христианским государством, но людьми она торгует направо и налево. До тех времен, когда запретят продавать в рабство хотя бы христиан, еще как минимум полтысячелетия.

Все это хорошо, но я прекрасно помню, что ни одна война, какой бы она ни была, не выигрывается диверсионными действиями, которые могут лишь облегчить путь к победе, так что прокладывать этот путь необходимо иными методами. А вот тут я откровенно слабоват. Действовать-то придется даже не в масштабе дивизии, как я вообразил себе сначала, а почти что в масштабе фронта. Будь у меня под рукой в числе офицеров танкового полка военный гений (а таких я, как бог войны, всегда нутром чую), типа молодого Рокоссовского или даже Буденного (который без образования, на одной интуиции обыгрывал кадровых генералов), я мигом бы продвинул его до нужного уровня и поручил бы ему планирования операций. Но такого человека поблизости не наблюдалось. Нет, есть у меня несколько способных молодых ребят, но до требуемого уровня никто из них не дотягивает.

Правда, когда сутки назад, когда я лично вышел в тот мир, чтобы сделать рекогносцировку в окрестностях Хортицы, то почувствовал, что где-то далеко, но все же в пределах моей досягаемости, находится нужный мне персонаж, вроде бы даже готовый к предложению, от которого нельзя отказаться. Но поди найди тот ножичек – в радиусе примерно тысячи километров. Лишь одно я мог сказать твердо – это то, что искомый полководец отнюдь не был варварским самородком. Даже в слабом, ослабленном расстройством облике чувствовалась определенная дисциплина ума, свойственная человеку грамотному и даже образованному, а это, и к гадалке не хо-

ди, указывало на ближайший (и единственный) в окрестностях центр классического образования, то есть Константинополь. И еще я знал о моем будущем военном гении, что он стар, находится в опале и никому не нужен, что тоже играет мне на руку. Как говорится – кто был никем, тот станет всем. Но все же для того, чтобы вплотную приступить к этому делу, мне требовалось знать имя этого человека.

Действовать надо было быстро, каган авар Баян ждать у моря погоды не собирался, и его отряды, ранее разорявшие только левобережье Днепра, зашевелились, начав собираться в кучу, что могло означать только начало большого вторжения. Тогда я собрал нашу магическую пятерку, и мы поэскадронно разбросали две легких кавалерийских дивизии (шесть тысяч всадниц) по левому берегу Днепра с приказом наносить жालящие удары по аварским тылам и обозам и тут же, не зарываясь, отступать, заманивая преследователей в ружейно-пулеметные засады. Восемь полков, шестьдесят четыре эскадрона, и во главе каждого командир – хоть и молодой, но прошедший полный курс военного училища. Настоящий осиный рой.

Сибирские егеря, на которых учились мои юные лейтенанты, как раз и предназначены действовать вот так, без тыла и флангов, в подвижной маневренной войне. К тому же при каждом эскадроне по-прежнему находилось по одной инструкторше-амазонке, для которых правила степной войны всосаны с молоком матери и намертво вбиты наставница-

ми Академии при храме Огня. Это было первое боевое крещение моей маленькой армии, ведь до того в настоящем бою довелось побывать только амазонкам, штурмовавшим храм херра Тойфеля, да еще боевым лилиткам, сражавшимся в междоусобных войнах своих хозяев и в битве при дороге. Но все это было не то; да и как полноценная боевая машина, мои эскадроны в бою еще не испытывались. Поэтому и провожал я их на это боевое крещение со смешанным чувством надежды на лучшее и тревоги, все ли сделано правильно. Ну, разумеется, не обошлось без речи, которую я толкнул перед уходящими в бой. Иначе бы меня просто не поняли. Впрочем, она была коротка, как трехпатронная очередь из калаша.

– Воители и воительницы, – сказал я внимательно слушающим меня рядом всадниц и всадников в полной легкой экипировке на высоких сильных конях, – вы идете сражаться с самым злом, воплощенным в человеческом облике; поэтому пусть ваш глаз будет остер, голова холодна, рука тверда, а сердце открыто ко всем страдающим и униженным. Я на вас надеюсь и жду назад только живыми и с победой...

Едва я закончил говорить, как Колдун начал один за другим открывать порталы в заранее определенные места и бряцающие оружием и амуницией эскадроны скрывались в них, чтобы через некоторое время вступить в бой, приняв участие в операции «Мельница». Если им попадутся не авары, а болгары-кутугуры, то пусть будущие братушки пеняют на себя и своего хана. Нечего было почти без боя присоединяться

к победителю, в надежде вместе с ним немножко пограбить славянские и византийские земли. Впрочем, если какому-то из этих наших эскадронов станет туго, то мы всегда готовы открыть портал и вытащить его оттуда. Или, наоборот, перебросить к нему подкрепление из полка тяжелой панцирной кавалерии или даже танкового батальона, который, полностью заправленный и снаряженный, находился сразу за воротами города, в готовности №1.

Последним (но значительно южнее тех мест, где должна была развернуться «мельница») на дело с миссией особой важности ушел капитан Коломийцев с одной ротой своего еще формирующегося разведывательного батальона и двумя легкими разведывательными кавалерийскими эскадронами из выкупленных штрафных амазонок. Пехота из амазонок выходит отвратительная, а вот в седле, с луком и саблей они настоящие королевы, то есть богини. Единственное, на что они соглашаются, так это ехать на броне во время похода, не утомляя верного коня, а как только начнется заварушка, так сразу прыгнуть в седло – и понеслась... Впрочем, бронетехнику на этот раз Коломийцев на выход брал в очень ограниченном количестве, просто для представительности, потому что, судя по данным разведки, она была там избыточна, особенно если учесть, что портал мог доставить и забрать бойцов в любую точку местности.

А я, отправив в бой свой авангард, сел думать над тем, как бы мне определить моего будущего военного гения. И

тут мне пришло в голову, что у нас тут есть такой начитанный и знающий человек, как библиотекарь Ольга Васильевна – ведь если кто и знает по имени этого персонажа, который наверняка хорошенько наследил в истории, так это она. Поэтому я не таясь изложил ей всю имеющуюся у меня информацию по поводу того, какой сейчас год и кто сидит на престоле в Константинополе. Большого я, к сожалению, не знал и сам. В ответ Ольга Васильевна только молча пожала полными плечами, после чего, порывшись на книжных полках, выложила передо мной два уже раскрытых толстенных энциклопедических тома...

– Вот он, ваш герой, – загадочно произнесла библиотекарь, слегка отчеркнув ногтем слово «Велизарий», на странице «Советской исторической энциклопедии», – только учтите, что ему сейчас должно быть пятьдесят семь лет, и что это ворчливый обрюзгший старик, которого мучает множество хворей, а также преследует сонм завистников и любителей пинать дряхлого льва.

– Ну, Ольга Васильевна, – сказал я, прочитав статьи, – попытку реставрации рабовладельческой империи мы ему простим, жестокое подавление восстания «Ника» и сподвижничество с Юстинианом тоже. Что же касается здоровья, то лишь бы притащить его сюда живым, а дальше дело за Колдуном, Духом Фонтана, Лилией и всей нашей медицинской братией. Поверьте, пройдет не более недели, и старичок помолодеет настолько, что снова начнет бегать за девками,

а через месяц он будет щелкать орешки новенькими, будто только что от дантиста, зубами.

— Да я и не спорю, — снова пожала плечами Ольга Васильевна, — у вас тут все чуть что сразу начинают бегать, даже мой дражайшей супруг, которого раньше иначе чем черепахом и не величали. Вопрос только в том, согласится ли Велizarий с вашими целями и задачами или предпочтет спокойно помереть у себя на вилле через три с половиной года? Кстати, будьте готовы к тому, что старик уже под стражей и охраняют как важного государственного преступника. Такие сейчас времена, что бывший друг и верный соратник императора вполне может закончить свою жизнь на плахе, если не хуже.

— Ну, Ольга Васильевна, война бой покажет, — сказал я, уже собираясь уходить, — если наш клиент под стражей, то так даже лучше — выкрадем, а заодно и покажем кое-кому, где раки зимуют.

— А вот в этом я ничуть не сомневаюсь, — улыбнулась библиотекарша, — такое за вами не заржавеет. Но погодите пока уходить. Я хотела спросить вас о том, как там поживают наши предки, ведь я тоже родом из тех краев...

— Ну не знаю, — сказал я, — навряд ли они нам придутся предками, так как их славянство весьма сомнительно. Правда, говорят они на славянском языке, который звучит как смесь сербского с олбанским, но в остальном это дикая смесь из потомков ираноязычных алан и может, даже ски-

фов, представителей спустившихся по Днепру вместе со славянами балтских племен, оставшихся с готских времен германцев, а также осевших на землю тюркоязычных булгар. При этом надо учесть, что потомки булгар в основном осели по южной окраине этой земли, а германский элемент сосредоточен между Днестром и Южным Бугом, хотя и здесь его немало. И все это в одном племенном союзе, который выглядит как путаный ком разноцветных ниток.

– Послушайте меня, Сергей Сергеевич, – мягко сказала Ольга Васильевна, – вот эта разноплеменность сумевших наладить совместную жизнь людей и дает надежду на то, что из этого семени вырастет крепкое и здоровое государство, граждане которого будут без пренебрежения относиться к своим соседям вне зависимости от их языка и образа жизни; и в то же время если дать им соответствующую культурную базу, не будут заискивать перед «просвещенным» Западом и смотреть в рот пришлым проповедникам...

– А вот это, – сказал я, – очень хорошая идея. Ведь Отец наш небесный ждет от нас не только сиюминутного эффекта по разгрому аварской орды, но и долговременных изменений в местном политическом ландшафте, которые позволят на триста лет раньше, чем в нашей истории, приступить к успешному строительству православного восточнославянского царства. Подумайте над этим и в письменном виде изложите свои соображения.

– Кстати, – сказала женщина, – рядом с Велизарием дол-

жен находится его секретарь, летописец и историк Прокопий Кесарийский. Это умнейший человек этого времени, не упустите его, а то об этом потом придется пожалеть.

— Я учту ваше последнее замечание, — кивнул я, — умные люди нам очень нужны. А сейчас позвольте попрощаться, ибо дела.

* * *

5 августа 561 Р.Х. День третий. Полдень. Левобережные степи, 30 километров на северо-восток от впадения в Днепр речки Самары, район современного села Вольное

Командир 3-го эскадрона 5-го кавалерийского полка Виктор Кузнецов

Быстрый стук подкованных конских копыт по твердой как камень земле верховой степи. Мои бойцы — что «волчицы», что лилитки — как влитые держатся в седлах, оглядывая цепким взором степь до самого горизонта. Как и в других эскадронах, в моем есть несколько «волчиц», способных смотреть на окружающую нас степь с высоты птичьего полета зоркими глазами хищного сокола или ястреба. Они быстро устают, и поэтому вынуждены часто меняться, но это естественно; и та «волчица», которая сейчас на смене, скачет рядом со мной стремя в стремя.

Несмотря на то, что эта девушка по имени Урсула похо-

жа на оживший скелет, она очень красивая, а особенно хороши ее голубые глаза. Жаль только, что все «волчицы» бредут свои головы наголо и вне зависимости от погоды носят на макушке маленькие круглые вязаные шапочки-подшлемники. Это делает их на вид более суровыми и неприступными, чем они могли бы казаться с обычными женскими прическами. И ведут они себя тоже соответствующе этому образу. В плане личной жизни они неприступны, и кажется, что мужчины их вообще не интересуют, по крайней мере пока.

Лилитки – те, напротив, очень любвеобильны, особенно бывшие дикие, но меня не привлекают их экзотические пропорции – змеевидные у диких, и богатырские у бойцовых. В последние несколько недель, заполучив танковый полк, капитан Серегин для формирования службы тыла начал привлекать еще одну разновидность лилиток – бывших мясных. Пропорции у них более человеческие, и я вот уже неделю встречаюсь с одной такой девушкой, которая служит подавальщицей в столовой. Единственное, что меня напрягает, когда я обнимаю ее нежное тело – так это мысль, что она была предназначена стать едой, а не для того, для чего предназначены обычные девушки. А ведь она умная, умнее многих, кого я знаю из нормальных людей. Когда мы встречаемся, мы очень много разговариваем, а недавно моя зазноба даже записалась на курсы ликвидации неграмотности, и я за нее очень рад. Но я надеюсь, что эта Ийдиль меня ждет, и все у нас будет хорошо.

Однако я отвлекся, потому что мозг, не занятый серьезной работой, размышляя, обычно бродит своими собственными извилистыми тропинками. Но сейчас не время думать о женщинах, даже таких пикантно-прекрасных, как Ийдиль. Привстаю в стременах и оглядываюсь. Дорог тут нет – одни направления, да и не нужны дороги в таких местах, где можно скакать, скакать и скакать в любую сторону, и перед тобой все время будет раскрытое во все стороны чуть всхолмленное пространство. Но сейчас дорога – точнее, две едва заметные колеи, выбитые колесами телег в высохшей траве – нужна нам для того, чтобы, не сбившись с пути, попасть туда, где мы должны будем встретить своего первого врага и в бою взять его жизнь. Это наше боевое крещение, первая не учебная, а боевая задача эскадрона, и у нас просто нет другого выхода, кроме как выполнить ее на отлично. Те люди, которых окружающие народы зовут аварами (а сами себя они называют обрами), за все творимые ими безобразия достойны только полного и жестокого истребления.

Здесь, в знойной и сухой степи, люди стараются жить там, где есть вода – по берегам рек, речек и озер. Именно там, у воды, теснятся их неукрепленные селения с беспорядочно разбросанными полуземлянками, окруженные зеленеющими огородами и сейчас уже сжатыми полями. Но первых своих людей на этой земле мы встретили, не доезжая до нужного нам селения около пяти километров. Просто настал тот момент, когда «волчица» Катрин, которая к тому времени

сменила на дежурстве Урсулу, неожиданно подняла вверх руку, а потом указала вперед.

– Там, впереди, враг, – коротко сказала она, – шесть женщин запряжены в телегу и везут в ней к нам навстречу троих мужчин. Это совсем недалеко от нас, метров пятьсот или чуть больше, так что прикажи приготовиться к бою.⁵

– Эскадрон, – рявкнул я, – к бою готовься, рысью вперед марш-марш!

Перешедшие на крупную рысь кони одним махом вынесли нас на степной увал, за которым открылась спускающаяся вниз ниточка дороги – и на ней те, кого предстояло атаковать. Метрах в двухстах впереди навстречу нам тащилась телега, запряженная шестеркой полуголых светловолосых женщин. В этой телеге на охалке соломы по-барски восседали три пьяных до безобразия чернявых мужика в ярких, но изрядно испачканных одеждах. Двое орали какую-то песню, а третий почему зря хлестал кнутом женщин, которые везли телегу. Прямо с увала, только завидев эту картину, наш эскадрон сразу взял в галоп, и земля загудела под копытами коней как барабан.

⁵ «Повесть временных лет» оставила нам яркую картину того, как обры (авары) «примучиша дулебы»: завоеватели запрягали в телегу вместо лошадей или волов нескольких дулебских женщин и разъезжали на них. Это безнаказанное издевательство над женами дулебов служит лучшим примером униженности их мужей. От франкского хрониста VII в. Фредегара узнаем еще, что авары «каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам (в данном случае, аварам. – С. Ц.) дань».

Сказать честно, против этих трех пьяных придурков хватало бы и одной дюжины наших воительниц, от которых никто бы не ушел живым, и весь эскадрон был совсем не нужен. Но Серегин категорически запретил нам, лейтенантам, делить эскадроны, считая, что нападать на такого врага, как эти авары, необходимо с подавляющим перевесом, для того чтобы сразу рубить встречного врага в капусту и идти дальше делать свое дело. Так будет продолжаться до тех пор, пока их главный начальник каган не опомнится и не пошлет гоняться за нами по-настоящему большие отряды. Настоящей же целью нашего эскадрона были мелкие отряды захватчиков, вставшие на постой в небольших селениях на берегах местной речки. Каждый раз, уничтожая врага, мы должны были отправлять добычу и освобожденных местных к себе, в заповортальный мир Содома. Не стоило рисковать тем, что их поймут еще какие-нибудь обры и снова сделают предметом для издевательств.

Капитан Серегин объяснил нам, что, с одной стороны, это делается с целью лишить врага возможности пользоваться даровой рабочей силой, а с другой стороны, чтобы укрепить свое влияние в этом мире, ведь люди, освобожденные нами из аварского рабства, будут служить только нам, и больше никому. Наверное, Серегин прав, потому что он настоящий бог справедливой войны, а я – обычный лейтенант; но и я, и он согласны с тем, что запрягать женщин в телегу и хлестать их кнутом – это очень нехорошо. Очевидно, также считали и

воительницы моего эскадрона, поэтому они все как одна потянули из ножен палаши, которые полыхнули на солнце прозрачным светлым огнем, а скачущая, как обычно, чуть в стороне от строя амазонка Ирина закинула за спину винтовку и взялась за свой любимый лук. Патронов к винтовке тут не достать, а стрелы к луку можно снова найти, а можно и купить, потому что их в этом мире уже делают. Правда, Ирина ворчит, что местные стрелы – это полное дерьмо и годятся только для охоты на лягушек. Но ведь это лучше, чем вообще никакие патроны, которые кончатся и ничего не будет?

Короче говоря, как только тот обрин, который хлестал женщин кнутом, потянулся за своим луком, его рука оказалась приколотой стрелой Ирины к его же пузу. Двое остальных его приятелей, разом протрезвев, тут же вылезли из телеги и попробовали убежать от нас на своих двоих. Дурацкое занятие. Четыре ноги коня на коротких дистанциях бегают значительно быстрее двух ног у человека, а у обров к тому же ножки такие короткие и кривые, что бегать они совсем не умеют.

Я видел, как две бойцовые лилитки, которым посчастливилось вырваться впереди своих подруг, догнали двух этих смешных человечков, так нелепо перебиравших своими кривенькими ножками, и наклонившись в седле, привычно, как на упражнениях по рубке лозы, впервые в жизни ударом от плеча до талии разделили каждая «своего» обрина на две неравные половины. Я знал, что это не последние враги, за-

рубленные моими воительницами, но был уверен, что всегда их жертвами будут мерзавцы вроде этих, на которых и клейма ставить негде.

Тем временем амазонка Ирина допрашивала насквозь простреленного ею обрина, который вполне понимал вопросы, заданные ему на койне. В ходе допроса она время от времени щелкала пальцами по пробившей его кишки стреле, отчего тот каждый раз издавал дикий вой. И пусть Ирина вела себя жестоко, но жалости по отношению к обрину у меня не было, ведь одна из этих молодых и красивых женщин, чьи спины он хлестал своим кнутом, могла быть моей далекой прародительницей... От этих мыслей вековая ярость и обида подступали к моему горлу.

Другие воительницы нашего эскадрона в это время гарцевали вокруг места этого короткого боя, а некоторые из них, спешившись, освобождали несчастных женщин от упряжи и подсаживали их на наших заводных лошадей, следовавших позади эскадрона под охраной коноводов. Но вот, видно, допрос был закончен, потому что Ирина удовлетворенно кивнула и вместо очередного вопроса перерезала пленному обрину горло. Все равно обычным образом он был не жилец, а тратить на эту падаль магию высших порядков было бы кошунством.

– Там, – махнула она рукой, – селение, в котором на постоянное стоят два десятка этих свиней. Они уже получили приказ сниматься с места и двигаться в ставку кагана, и поэтому

нам надо спешить. Тогда мы сможем настигнуть их и убить.

— Эскадрон, за мной, рысью, марш-марш, — скомандовал я, и мои воительницы, только что попробовавшие первой крови, послушно сорвались за мной по едва заметной на земле степной дороге. Впереди нас ждали несколько местных селений, расположенных кучкой у излучины речки и в настоящий момент занятых обрами. Ну, они еще об этом пожалеют.

В первое такое селение мы на полном скаку ворвались примерно полчаса спустя, в полной мере оправдав поговорку капитана Серегина о том, что внезапность — это второе счастье. Обры были застигнуты буквально со спущенными штанами, а их кони по большей части находились на выпасе и ничем не могли помочь своим хозяевам.

На полном скаку наши воительницы обрушили на врагов град стрел из арбалетов, а тех обров, которые сумели их избежать, дальше ждала горячая беспощадная рубка длинными палашами. Око за око, зуб за зуб.

Но, к сожалению, обитателям этого селения наша помощь уже не понадобилась. Очевидно, собираясь сниматься с места, обры вырезали стариков и детей, а остальных успели угнать на продажу. Зерновые ямы в селении пустовали, а зерно нынешнего урожая было собрано в рогожные кули, уложено на телеги и приготовлено к перевозке. Обры даже успели запрячь в эти телеги местных лошадей, к которым они отнеслись значительно лучше, чем к людям.

Местные женщины, увидев трупы своих близких, подняли вой, но нам было некогда слушать их причитания, потому что в других селениях могло твориться то же самое. Вызвав через магическое связное зеркало открытие портала, мы постарались как можно скорее отправить на ту сторону всех шестерых рыдающих баб, а также телеги с зерном и всех трофейных обрских коней. Там их примет Анна Сергеевна и ее люди, которые подлечат их, утешат и обогреют, а нам надо спешить к следующему поселку.

Спешили мы, надо сказать, почти зря. Как выяснила воздушная разведка (то есть кружащие над степью грифы), обры, квартировавшие в соседних поселках, значительно раньше получили приказ собираться и уже полностью поделали свои дела, истребив и ограбив всех местных, после чего оседлали коней и, собрав обоз, двинулись в путь. Было их в том отряде до полутора сотен, а может, и больше – конных, в значительной части латных и полностью вооруженных. Следом за ними в пыли тянулись телеги, и к некоторым из них были за шею привязаны местные молодые женщины – очевидно, оставленные этими уродами для скотских забав. Так что нам предстоял настоящий экзамен кровью. Тут нужна была настоящая тактика – чтобы и врага перебить, и своих людей не потерять, тем более что наши кони успели немного при томиться, а у обров они были свежими, только что заседланными.

И еще капитан Серегин ставил перед нами задачу в идеале

вообще не использовать огнестрельное оружие и беречь патроны. Будь противников вдвое или втрое больше, чем нас, так то другое дело; а так, при равенстве сил, победить эту банду требовалось без единого выстрела из огнестрельного оружия. Зато в нашу пользу было то, что мы заранее обнаружили противника, в то время когда он еще даже и не подозревал о нашем присутствии, и у нас еще было некоторое время, что подготовить обрам немного неприятных сюрпризов. Кроме того, с нашим зелено-коричневыми доспехами и обмундированием цвета хаки нас было сложно разглядеть на фоне местной степи, а обры поверх доспехов были одеты в яркие цветастые синие, красные, желтые халаты, представлявшие собой отличные мишени.

Пока у нас еще оставалось немного времени, я приказал вбить в землю несколько кольев, между которыми низко над землей были натянуты прочные волосяные веревки. Такое противокавалерийское заграждение называется «спотыкач» и обычно предназначено для прикрытия стрелковых засад. Все шестьдесят наших арбалетчиц, чьи уложенные на землю и прикрытые маскировочными попонами кони служили им живыми баррикадами, заняли позицию сразу за этой веревочной путанкой, а разделенные на два отряда копейщицы отошли на фланги и замаскировались там таким же способом, чтобы атаковать обстрелянных арбалетчицами обров с флангов.

К тому моменту, когда противник подошел на расстояние

прямой видимости, все было уже готово, и оставалось только ждать. Обры, беспечнодвигающиеся по покоренной земле, где их боялись, кажется, даже мыши в норах, вляпались в засаду с каким-то особенным шиком. Первый прицельный залп арбалетов был страшен. Дюжина тяжелых бронебойных болтов, которым было плевать на местные доспехи, вырвала из обрских рядов самых нарядно одетых и хорошо вооруженных всадников. Тревожный крик – и, обтекая упавших, основная масса конных обров рванулась вперед, прямо на засаду, последовательно попадая под залпы второй, третьей и четвертой дюжины арбалетчиц. И снова каждый болт находил свою цель. Из «волчиц», которые обычно и шли в арбалетчицы, получились неплохие стрелки. В то же время первая дюжина, бойцы которой, привстав на одно колено, быстро двигали рычагом, уже почти повторно взвела свое оружие. Казалось, что обры успеют первыми, но тут они достигли веревочного заграждения и на полном скаку начали лететь на землю, образуя кучу-малу, в которую смешались и кони, и люди. Ни им некогда было смотреть под копыта своих коней, когда, казалось, вот-вот прямо в лицо им полетят новые арбалетные болты. К обрам я не испытывал жалости, поскольку они гады хуже фашистов, но вот бедные кони совсем ни в чем не виноваты.

Будь в нашем эскадроне хоть один мало-мальски квалифицированный маг, он мог бы просто наложить соответствующее заклинание, и не пришлось бы рисковать, что наш за-

мыслей раньше времени будет раскрыт противником; но мага у нас не было и пришлось обойтись обычными веревками. Правда, магия в этом бою все же поучаствовала – когда обры, не попавшие в засаду, попробовали подавить наших арбалетчиц градом стрел, то выяснилось, что заклинание «защитного ветра», наложенное на доспехи наших воительниц, с легкостью отклоняло обрские стрелы в сторону, так, что те бессильно тыкались куда попало, только не в моих подчиненных; и в то же время летящие в ответ арбалетные болты один за другим выбивали обрских всадников из седел.

Пока обры с арбалетчицами развлекали друг друга этой игрой, копейщицы подняли своих коней на ноги и в сомкнутом строю пиками ударили по растерянному врагу сразу с двух сторон. Им-то стрелы обрских лучников тоже были не страшны. Бросив пики в насквозь пробитых телах, копейщицы взялись за свои палаши и принялись в мах рубить врага. А у бойцовых лилиток рука тяжелая, палаши отличной тевтонской стали отточены как бритва, так что ошеломленные обры, ранее считавшие себя сильнее всех, погибали в схватке один за другим. Ну да ладно – собакам собачья смерть.

Успех был полный. Крича от страха что-то нечленораздельное, еще остающиеся в седлах обры бросились наутек, бросив обоз и своих выбитых из седел, раненых и умирающих товарищей. Мы их не преследовали. В первую очередь нам требуется добить тех, кто пока безвольно ползает по земле, а потом мы соберем добычу и вместе с ней уйдем через

портал, только для того, чтобы объявиться где-нибудь в другом месте. Все еще только начинается.

* * *

Тот же день, Вечер. Степи Северной Таврии, торный сухопутный торговый путь лесостепей в Крым (Муравский шлях), примерно на месте современного Мелитополя

Бесконечна степная дорога, ужасен садящийся на виднокрай (горизонт) багровый шар заходящего солнца. Скрипят несмазанные оси аварских телег, ревут, предчувствуя ночной отдых, влекущие их волы, и тихо плачут сидящие в этих телегах белоголовые славянские дети, которых в крымском Херсонесе продадут жирным ромейским купцам-работоторговцам. Мальчиков оскоят и сделают евнухами, а девочек пустят по кривой стезе древнейшей профессии – где вначале им уготована роль малолетних наложниц богатых и знатных людей, а в конце – припортовый лупанар.

Тысячи взрослых, чья цена гораздо ниже, идут пешком, и сопровождающие их конные авары, в основном подростки, которых еще не допустили до серьезных дел, не стесняются угощать их ударами плети. Не для того, чтобы подавить какое-то неподчинение ведь эти люди уже сломлены и затаили свой гнев глубоко внутри – а просто так, для забавы. Но портить кожу молодых женщин и снижать тем самым их це-

ну охранникам каравана строго запрещалось, поэтому удары им наносятся вполсилы, больше для того, чтобы показать свою власть над живым товаром и право сделать с ним все что угодно. Вся ярость молодых обров достается немногочисленным мужчинам, которых удалось взять живыми в кровавых жестоких схватках. Прежде чем двинуться в очередной поход, авары стремятся избавиться от обременяющего их полона, поэтому и гонят всех этих несчастных туда, где смогут обменять их на компактное золото-серебро, а также на отличное оружие византийской и франкской выделки.

Так попал в полон и княжий полянин Добрыня, который сражался один против многих, и множество врагов положивший своим мечом. Этот дюжий молодец был пленен только после того, как на плечи ему накинули несколько арканов, которые и свалили великана с ног. По pokону (обычаю) князь Идар должен был выкупить своих попавших в полон воев. Но получилось так, что послы антов, посланные в ставку кагана Бояна, были коварно убиты по его приказу, и теперь Добрыне, а также другим людям, предстояло провести остаток своей жизни гребцом на ромейских судах. Там он позавидует уже мертвым и пожалеет, что не пал с оружием в руках. Так сказал походный аварский хан, старшего сына которого Добрыня зарубил в том бою.

Неласковы были славянские боги к своим детям в последние дни. Многие пали в бою, были убиты мечами и стрелами или просто замучены торжествующим врагом; и теперь их

тела, лишённые правильного огненного погребения, валяются по степи на поживу диким зверям. Тут пока только пленники только с левобережных поселений. Обры ходили по их землям как хотели и где хотели, и полонили и убивали всех, кто не успел убежать, спасая свой живот. Немногочисленные княжьи порубежные заставы – вроде той, на которой был захвачен Добрыня – не могли сдержат натиска орды степняков и сами пали их первой жертвой. Немногих воинов аварам удалось взять живыми, как Добрыню, еще меньшее их число после боя смогло ускользнуть, чтобы доложить о случившемся князю Идару.

Нападение на земли антов было внезапным, неспровоцированным и вероломным. Ведь прежние соседи антов по этой степи, болгары-кутуруры, составляли с антами неразрывную земледельческо-кочевую целостность – это когда одни пашут землю в ручных долинах, а другие пасут скот в водораздельных степях. И те, и другие – болгарская конница и пехота антов – в челнах-однодревках вместе ходили в походы на Византию, пощипать константинопольские пределы. Часть антов вела полукочевой образ жизни, а часть болгар пробовала оседать на земле, заводя огороды и заготавливая скоту корма на зиму. Да не все и не всегда было так безоблачно, бывали и недоразумения. То молодые удалыцы украдут зрелую девицу, то скот с выпаса угонят, а то и сойдутся где-нибудь в сухой балочке выяснить, кто из них самый-самый. При чем удалыцы были с обеих сторон – и воровать де-

виц, и угонять скот они могли друг у друга взаимно. Для того и нужны были порубежники вроде Добрыни, чтобы вместе с людьми хана Забергана предотвратить момент, когда молодецкая удаль юных может перейти в кровавую вражду между народами.

Но теперь, с аvaraми, коленкор был совсем другой – вместо беспокойных соседей в степи завелись алчные хищники, но родовые веча в своем большинстве так и не дали князю Идару своего согласия на значительное увеличение числа воев. Очевидно, большинство родовых старейшин решили, что эта беда коснется только южной и восточной окраин земель антов, и совершенно не затронет земли их родов. Придет время, и они пожалеют об этом своем решении, но тогда уже будет поздно.

Почти никто в караване не уловил тот момент, когда вечер для авар перестал быть томным. Быть может, только что-то успели почуять внезапно поднявшие голову псы, которые до того, высунув от жары языки, плелись рядом с конными охранниками. Но никто не обратил внимания на встревоженных собак. Даже старый караван-баши Кучук бий, не перестал завывать себе под нос заунывную, как сама степь, песню без начала и конца, смешивающуюся с пением птиц в небесной вышине и стрекотом кузнечиков в сухой траве. А чего ему бояться на землях, хозяев которых, болгар-кутугуров, великий каган Баян уже примучил и которые (последние трусы) пальцем не посмеют пошевелить против победо-

носных обрвов.

Но даже если бы кто-то и поднял тревогу, то ничего бы это уже не изменило. Караван, включавший в себя самого караван-баши, три сотни охраны из юнцов и пять с лишним тысячи полоняников и полонянок в возрасте от пяти до двадцати пяти лет, был уже безнадежно обречен. Впрочем, мнения полона по этому вопросу никто не спрашивал, а обрв, когда все закончится, будет уже все равно, ибо в живых их никто оставлять не собирается.

Как раз именно здесь, на этом ответственном участке (ибо отбитие полона составной частью входило в ХПС (Хитрый План капитана Серегина)) командовать засадой был назначен командир свежесформированного разведбата капитан Коломийцев со своей сводной батальонной группой специального назначения. Степь была пустынна, ибо всех болгар-кутугуров каган Баян вместе с кочевьями оттянул значительно севернее, для нападения на славянские земли. Торговые пути из степей в Крым тоже были хорошо известны, как и колодцы, специально вырытые на тех местах, где караван мог остановиться на ночлег. Дальнейшее было делом техники. К тому моменту стало известно, что каган авар отправил в Крым с левого берега три таких каравана с полоном, и во много раз больше их должно было стать после того, как авары переправятся на правый берег. Впрочем, тогда византийские работорговцы смогут заниматься своим делом прямо на том же острове Хортица.

Точнее, «смогли бы», ибо ничего подобного Серегин об-рам позволять не собирался, как он не собирался позволить, чтобы хоть один мужчина, женщина или ребенок были бы проданы в ромейское или какое еще рабство. И при этом совершенно неважно, каким было их происхождение – славянским, готским, балтийским, аланским или булгарским – сильная рука бога справедливой оборонительной войны уже простерлась над этими людьми для того, чтобы не только спасти их от смерти и разорения, но и, спаяв нерушимым единством, превратить в новый народ. При этом Серегин понимал, что его планы могут встретить резкое неприятие и сопротивление со стороны местного родоплеменного общества и его верхушки из старейшин, желающих все делать по «старине» и ради этой «старины» готовых отправить в пекло весь свой народ, а также и со стороны константинопольского истеблишмента, которому возникновение недалеко от границ Империи сильного славянского государства будет как серпом по фаберже.

При этом надо понимать, что византийцы отнесутся к этому государству резко отрицательно, вне зависимости от того, христианским (никейского исповедания) оно будет или языческим, потому что и в том, и в другом случае оно будет по-настоящему независимым как от Рима, так и от Константинополя. Ведь главное, что и по сей день разделяет католиков и православных, это не запутанный вопрос филио-кве (которое не признают подчиняющиеся Риму греко-като-

лики), а вопрос о главенстве римских пап над всеми остальными патриархами, чего не признают православные церкви. Но его Серегин собирался решать не здесь, в южнорусских степях, а в Константинополе, следуя при этом древнему русскому правилу: «если в сердце дверь закрыта – надо в печень постучаться».

Тем временем караван вполз в ложину между двумя невысокими грядами холмов и остановился, потому что тут находился колодец с водой, сюда не задувал извечный степной ветер, тут было привычное место остановки каравана. Началась обычная суэта. Предстояло распрячь и напоить лошадей, задать им по торбе овса, после чего отправить пастись на подсохших степных травах; надо было позаботиться и о полоне, который тоже следовало напоить и обязательно накормить безвкусной кашей из зерна, потому что кто же купит ослабевшего раба и измученную некрасивую рабыню. А если и купит, то за очень небольшие деньги. Не стоит портить отборный людской товар мелкой человеческой жадностью. А то спросит потом пресветлый каган старого караван-баши Кучук бия:

– Почему так мало денег привез, старая собака⁶? Украл, да?!

И, не слушая никаких оправданий, кивнет своим телохранителям, чтобы они распяли старика на стволе степного ду-

⁶ Кучук – на тюркских языках означает собаку. Раньше это имя символизировало верность, неподкупность и неприхотливость.

ба или посадили на кол.

Но вся эта суета в лучах заходящего солнца выглядела несколько смешно и обреченно, потому что если подняться на высоту птичьего полета, можно было увидеть, как в окрестных сухих балках, за еще одной грядой холмов, ждут своего часа две тихо урчащие моторами боевые разведывательные машины БРМ-К с десантом и примерно две сотни амазонок на конях в полном вооружении. Это были так называемые «дикие» амазонки последнего набора, еще крайне плохо владевшие огнестрельным оружием, и поэтому вооруженные более привычными им луками и холодным оружием. Впрочем, этого оружия для данной задачи должно было хватить за глаза, потому что противник был вооружен аналогично, но имел значительно худшую выучку. Кроме амазонок, в распоряжении у капитана Коломийцева находился полностью вооруженный и экипированный личный состав его старой разведроты.

С боевым (афганским) опытом, правда, среди них был только замполит, старший лейтенант Сергей Антонов. Сам капитан Коломийцев, хоть и числился отличником боевой и политической подготовки, молодым да ранним, перспективным кадром, кровь живому врагу сегодня должен был пускать впервые, и оттого немного нервничал. Замполит, напротив, был спокоен как удав. Наверное, именно в силу своего боевого опыта, а еще благодаря тому, что все свои слова он подтверждал личным примером, старший лейтенант Анто-

нов действительно имел право объяснять личному составу роты, ради чего им жить и за что умирать. Обров замполит разведроты воспринял как нечто настолько мерзкое и ужасное, вроде помеси людей и гиен, чему и существовать-то на белом свете не стоило, поэтому со всей серьезностью отнесся к поставленной Серегиным задаче остановить вторжение и обезвредить аварскую орду. А как будет проведено это обезвреживание, старшего лейтенанта Антонова волновало мало. Начальство умное, оно чего-нибудь изобретет, чтобы и руки остались чистыми, и угроза из этого мира тоже исчезла.

И вот, незадолго до полуночи, когда зашла луна, на степь и притихшую стоянку работорговцев опустилась египетская тьма безлунной августовской ночи с бездонной россыпью звезд. Готовясь к операции, старший лейтенант Антонов взял к себе в подручные двух «диких» амазонок Мелиссу и Фотину, которые и так смотрели ему в рот. Расстриженная жрица Храма Зверей Фаина нашептала на всех троих заклятье от собак, после чего старший лейтенант с этой «разведгруппой» уполз проверить, насколько хорошо аварский молодняк несет на часах службу. При себе старший лейтенант имел только нож и автомат АКС-74 с НСПУ, а амазонки и бывшая жрица – по ножу и короткому мечу.

То ли аварский молодняк действительно нес службу из рук вон плохо, то ли смотрели часовые в основном за тем, чтобы не развязался и не удрал полон, но примерно минут сорок спустя старший лейтенант и его подручные благопо-

лучно вернулись в расположение основной части разведывательного батальона, притащив с собой спеленутого как младенец пленного. Пленный оказался тюркоязычным, и после нескольких вопросов, заданных старшим сержантом Джурбаевым для доходчивости поочередно на казахском и узбекском языках, тут же начал каяться и колотиться, каяться и колотиться.

– Дух, – сплюнув, сказал старший лейтенант Антонов, – он и в Африке дух.

В принципе, ничего нового пленный рассказать не мог, только уточнил некоторые нюансы расстановки постов. Дежурили на часах авары десятками, при этом внимание и в самом деле уделялась пленным, а не окружающей степи, в которой по ночам бродят злые ведьмы-алмасты и мужчины-упыри, которые пьют кровь и сосут костный мозг у бедных заплутавших в ночи авар, но их, мол, можно отпугнуть амулетами и огнем ярко пылающего в ночи костра.

Рассказывая это, молодой обрин испуганно косил то на Коломийцева, то на Антонова, то на Джурбаева, а потом переводил взгляд на толпящихся чуть поодаль и тихо переговаривающихся амазонок, которые виделись ему темными силуэтами на фоне звездного неба. Наверное, он принял их за ночных упырей и ведьм-алмасты, которые прямо сейчас начнут пить его кровь и сосать костный мозг. Разумеется, никто ничего подобного делать не собирался, но с жизнью обрину расстаться все равно пришлось, пусть и не так экзотически.

Просто одна из амазонок перерезала обрину горло, отпустив черную душу прямо в ад.

Дальнейшее было делом техники. Спешенные амазонки и разведчики окружили лагерь, ориентируясь на свет костров и подсказки оснащенных ночными биноклями командиров, из своих убежищ в балках выбрались и обе БРМ-К, на самом малом ходу занявшие позиции на вершинах двух ближайших к лагерю холмов, чтобы при необходимости своими фарами сразу осветить всю его территорию. Все было готово к спектаклю. Капитан Коломийцев поднял вверх сигнальный пистолет и выпустил в звездное небо осветительную ракету.

Шипящая звезда взметнулась ввысь, там с чуть слышным хлопком раскрылся парашют-отражатель, и, отбрасывая вниз конус бело-фиолетового света, ракета начала медленно опускаться на обреченный лагерь. Мгновение-другое спустя вспыхнули фары и прожектора подсветки боевых разведывательных машин, дополнительно заслепившие глаза так немилосердно разбуженным среди ночи обрам. Оставшиеся вне постоянно сужающегося круга света амазонки взялись за луки и на выбор принялись отстреливать мечущихся обрвов.

Несколько раз трассирующими пулями дудукнули в ночи автоматы, примененные там, где командиры обрвов попытались собрать их в кучу, чтобы дать отпор внезапному ночному нападению демонических, как им казалось, существ. Делу помогало еще то, что закованные в колодки пленники свя-

занные лежали прямо на земле, и пули со свистом летели над ними. Оставались еще повозки с маленькими детьми, но инструктора прямо запрещал стрелять хотя бы приблизительно в ту сторону, да и применялись автоматы крайне ограниченно, на охрану каравана в основном хватало и амазонок с их луками, стрелами и отточенными палашами.

Конец операции вылился в короткую рукопашную схватку, где разведчики, прикрывая сражающихся на клинках амазонок, стреляли уже почти в упор, глаза в глаза. Один за другим падающие ранеными и убитыми обры таяли как кусок льда, выставленный на солнцепек в знойной африканской пустыне. Сто обров, тридцать обров, десять обров, три обрина, ни одного обрина. Тишина. Только истошно ржет раненая шальной пулей лошадь, возится на земле ошарашенный сменой власти полон, да тяжело дышат только что вышедшие из кровавой схватки амазонки. Им, сцепившимся с врагом глаза в глаза, тоже пришлось заплатить свою цену. И хоть убитых среди них, Слава Отцу, не было, но семеро получили тяжелые ранения, а еще двадцать пять амазонок были ранены достаточно серьезно, чтобы покинуть строй на срок от недели до месяца, и это-то при магическом лечении.

Почти сразу же, как только прогремел последний выстрел и был добит последний обр, на окраине лагеря бело-голубым кругом вспыхнул портал, за которым жемчужным светом сиял рассвет иного мира, и оттуда толпой повалили совершенно непонятные люди, которые развязывали ошелом-

ленных полоняников, поднимали их на ноги и направляли в сияющий мягким светом какой-то волшебный град. Другие люди (тот самый «стройбат») таскали трупы убиенных об-ров, собирали разбросанное оружие и заматали следы схватки. Пройдет еще два часа, настанет рассвет и в этом мире, но к тому времени ничего не должно напоминать о том, что здесь у колодца произошел жестокий бой.

* * *

Тогда же и там же. Добрыня, бывший вой князя Идара, а ныне аварский полоняник

Случилось со мной чудо чудное и диво дивное, а ни сном ни духом. Той ночью, едва зайдет луна, я задумал бежать, и уже расшатал веревки на руках. Ждать больше было уже совсем невозможно. Я знал, что еще день или два, и мы придем на окруженное водой место, которое ромеи называют Таврикой, а болгары и обры Кырымом, и бежать оттуда будет уже нельзя, можно будет только умереть, чтобы не стать ромейским рабом. Терпеть не могу это льстивое племя. Наш светлейший князь Идар слишком уж много их слушал, вот дослушался. Сам слышал, как обры рекли, что напасть на наши земли их подговорил сам ромейский базилевс Юстиниан. Говорят, слишком много власти взял князь Идар, отпуская антских воев вместе с болгарским ханом Заберганом порезвиться в ромейской державе. Теперь все должно быть про-

сто. Презлым ответил на предобрейшее – смерти повинен.

Но попробуй дотянись до этого Юстиниана, когда мне сперва надобно спасти свою жизнь, чтоб донести поносные обрские речи до ушей князя Идара. Жаль, конечно жену мою молодую Забаву, но жизнь и честь у воя одна, а жен у него может быть много, тем более что Забава совсем обезумела после того, как обры взяли нашего сыночка за ножки да размозжили ему голову о коновязь. И тогда ее, рыдающую и простоволосую, взял в свой шатер проклятый старик Кучук-бий, будь он проклят, и начал утешать ее по всячески, по-бусурмански. Дал я себе тогда зарок – за безумие Забавы, да за жизнь сыночка Дубочка исполнить кровавую тризну, положив в бою сотню обров или даже больше, как дадут боги – длиннорукий покровитель воинов Перун, покровитель огня и железа Сварожич и пращур антов, склавенов и дулебов Дажьбог.

Но едва стемнело и в ночи засветила находящаяся на полущербе луна, которую некоторые называют солнцем мертвецов, а некоторые марениным глазом, я сразу понял, что в степи вокруг нас чужие. Чужие и нам, антам, и обрам. Эти чужие ходили в степи на мягких лапах, смотрели прищуренным глазом на горящие костры и рассевшихся вокруг них обров. и я знал, что в их глазах обры были уже мертвее мертвых, хотя пока еще продолжали есть, пить и насиловать наших женщин. Желания тех, кто в степи окружил отдыхающий караван, были просты, яростны и понятны. Мечь,

смерть, победа. Неужто наши славные пращуры восстали из могил, чтобы отмстить за нас, своих потомков, ставших слабыми и неумелыми?

Когда луна напоследок залившая степь своим кровавым светом, скрылась за виднокраем, «эти» пришли в сам лагерь обров. Бесшумно, как пардусы, прошли мимо угасающих костров, свернули шеи двум зевавшим молодым обринам, а третьего, не дав даже пикнуть, живым утащили с собой. Хорошо скрали, мне было любо, в поляне я бы их взял. Был у нас на заставе один Мал, ходил по земле так, что на ней даже травинка не шелохнется.

Чужаки ушли, и тут я понял, что мне тоже пора что-то делать, потому что веревки на запястьях расшатались уже настолько, что, сдирая кожу с ладоней, я смог освободить сперва одну руку, потом другую. Совсем рядом лежали два задушенных чужаками обрина вместе с их оружием и, освободившись от пут, я ужом пополз в их сторону. Если в моих руках будут два меча и Перун в ожесточившемся сердце, то так просто обрам меня не взять. Главное – прорваться к коням, а там поминай как звали.

Но моим задумкам не суждено было сбыться. Едва я успел обшарить трупы обоих убитых и забрать себе их оружие, как вдруг птица Сирий издала громкий крик и темная полночь превратилась в яркий полдень. Прямо над нашими головами медленно опускалось нечто светящее неживым мертвенно-синим светом, и этот свет очерчивал на земле четкий

круг, в который попали и беспокойно мечущиеся спросонья обрины, и повязанный лежащий на земле полон. Потом на двух ближних холмах зарычали невиданные звери, и свет от их сияющих в ночи глаз буквально пригвоздил меня к земле, не давая пошевелиться.

А потом из темноты, со стороны зверей с сияющими глазами, в этот круг света сплошным потоком полетели стрелы, как будто в степи началась летняя гроза и каждая капля дождя превратилась в стрелу. И все эти стрелы втыкались в обров; и только что живые, они один за другим тут же становились мертвыми. Неведомые лучники били так часто и так метко, что вскоре вся земля покрылась телами мертвых и умирающих. Кроме обычных стрел, в воздухе со свистом летали зеленоватые огненные стрелы Сварога, и все обры, в которых они попадали, тоже становились мертвыми.

И вот, когда живых и способных сражаться обров осталось меньше половины, девки-поляницы, решившие дать обрам бой, вошли в круг света с обнаженными мечами и маленькими щитами в руках – и закипела ужасная сеча. Я тоже не мог лежать и притворяться убитым, пока дерутся поляницы, поэтому вскочил и с мечами в обеих руках напал на отступающих обринов сзади, нанося им один смертельный удар за другим. Увидев, что я не обрин и не ромей, ко мне тут же пробились две поляницы, и мы втроем устроили сплошной круг смерти. Любой обрин, который подходил к нам на расстояние вытянутой руки с мечом, тут же падал мертвым.

И труп уже лежал на трупе; но вечно так продолжаться не могло, и я уже начал смеяться, предчувствуя, как раскроются врата Вирия и вышедший Перун сам поднесет мне чашу хмельного меда, как лучшему вою своей дружины.

Все кончилось внезапно. Только что обры толпой лезли на нас со всех сторон – и вдруг не осталось никого из них, кто мог бы стоять на ногах и держать в руках меч или лук. Я опустил уставшие руки с двумя окровавленными мечами, и ко мне стали подходить тихо переговаривающиеся поляницы чужаков. Я тоже с интересом смотрел на этих воинствующих дев. Сражались они очень хорошо, если не сказать большего; стрелы метали и бились мечом – просто загляденье, но мне с самого начала что-то показалось в них странным. Тогда, в сплошной мешанине схватки, уклоняясь от вражеских ударов и нанося в ответ свои, мне было как-то не до странностей тех, кто прикрыл мне спину, но теперь все было по-иному. Бой кончился, и настало время посоображать головой.

Самой главной странностью в этих поляницах было то, что их доспехи и одежда были одинаковыми – до последней заклепочки и знака на шлеме. Конечно, я знаю, что ромеи в своих легионах тоже стараются делать так, чтобы все вои выглядели одинаково – так то ромеи и вои-мужи – а тут девы, пусть даже и воинствующие. Ведь цель в жизни каждой девы – это выделиться в своей красе от других своих подружек, хоть чем-то, хоть в малом; а эти как будто и не из женской породы – брови не подведены, щеки не нарумянены, губы не

подкрашены, а сами смотрят сурово, будто осуждают меня за то, что не я спасал их, а наоборот. Да не меня надо за то судить, а жадных старейшин и ленивых родовичей дальних племен, которые не давали нам воев, на давали железа, чтобы сделать оружие, и злата-серебра, чтобы его купить.

Второй странностью этих поляниц был их разговор. Рекли они что-то вроде по-славянски, но так невнятно, что ничего и не разберешь. Странно, лехита с другого конца славянской земли я понять могу, а этих поляниц нет. Понятно только одно – люб я оказался этим девам, очень люб, и в то же время они жалели меня за мои раны, точнее, глубокие царапины, из которых сейчас потоком струилась кровь, которыми наградили меня злые обрины. Ничего особо опасного в этих ранах не было, но вы же знаете дев, даже воинствующих, с каким вниманием они относятся к каждой царапине, которая может испортить их красоту, но мы, мужи, считаем, что шрамы нас только украшают.

– Лилия, Лилия, Лилия, – подобно птицам в вышине защебетали девы-воительницы, и тут появилась она, совсем юная и очень красная дева в белом, чуть светящаяся во тьме каким-то особенным белым светом. Несомненно, эта дева Лилия была богиней, младшей сестрой Лады⁷ или ее млад-

⁷ Лада – богиня любви и брака славянского пантеона и жена бога огня и кузнечного ремесла Сварога. Правда, некоторые «исследователи» вообще отрицают существование такой богини у славян, забывая о том, что при развитом политеизме, который несомненно существовал у славян, на каждую область человеческой деятельности должно приходиться соответствующее божество, которое бу-

шей дочерью.

– Достойный муж Добрыня, – услышал я звенящий тоненький голос прямо в середине своей головы, – достойный и славный. Поранили тебя немного, но мы это поправим.

– Да что ж ты, дева Лилия, говоришь со мной так, будто это я малое дите, а не ты? – возмутился я.

– Т-с-с, Добрыня, – ответила мне дева Лилия, – нравишься ты очень красным девам, и боятся те девы, что истечешь ты своей горячей кровью, прежде чем испробуют они твоего тела богатырского на жарком любовном ложе, где сплетаются в объятьях тела и рождается новая жизнь. Те двое дев, Ангелина и Федра, что в бою тебе спину боронили, говорят, что по праву кровного побратимства будут с тобой на этом ложе первыми, и поэтому мы с тобой сделаем вот так, вот так, и вот так.

С этими словами дева Лилия, чуть привстав на цыпочки, начала касаться своими тонкими пальцами моих ран; и там, где она их коснулась, кровь переставала течь, а сами раны превращались в побелевшие старые шрамы. И было это чудо чудное и диво дивное.

– Шрамы я тебе оставила, – произнесла Лилия, – потому что ты сам того хотел. Воительницам я, например, убираю все без остатка, потому что их шрамы совсем не красят, а наш князь Серегин хочет, чтобы его вои и воительницы всегда имели самое лучшее из того, что возможно получить. Ну

вот и все, уважаемый Добрыня, ступай, тебя ждут прекрасные девы и князь Серегин, а уж он совсем не чета вашему беззубому Идару.

– Не нужны мне твои девы, Лилия, и твой князь, – рек я, отступая от девицы на один шаг, – у меня есть жена Забава и князь Идар, которому я поклялся на мече...

– Ишь, какой гордый, – окинула меня взором дева Лилия, – твоя жена Забава сейчас убивается по одной безголовой собаке, а твой князь, в голове которого мозгов меньше, чем в ляжке у кузнечика, готовится со своей малой дружиной из трехсот мечей встать на Перетопчем броне против всего воинства кагана Бояна. Даже Серегин, у которого войско во много раз больше, чем у твоего Идара, не готов вот так поставить все на слепую военную удачу.

Услышав от Лилии про свою Забаву, я сперва не поверил и начал оглядываться – и точно, увидел ее, в ярком платье из какой-то блестящей заморской ткани, плачущей над телом караван-баши Кучук-бия... Сердце мое пронзила холодная игла, сделавшую эту предательницу Забаву совсем чужой для меня.

– Ты одевал ее в тонкое беленое полотно и дарил колечки из серебра, – сказала мне Лилия, – он одел ее в шелка и бархат и осыпал с ног до головы золотом, камнями и жемчугами, и от этого ее сердце отвратилось от тебя. Есть такие женщины, которые не знают любви и верности, а знают только слово «дай». Твоя Забава – она не совсем такая, но перед

большим богатством ее сердце не устояло. Она думала, что старик везет ее к счастью и богатству, а на самом деле в рабство, которое началось бы на ложе какого-нибудь патриция, а закончилось в дешевом портовом лупанаре... Любовь, которую предлагают тебе девы войны – она иная. Им важно не то, что ты им подаришь, а то, что ты готов прикрыть спину им, а они тебе. Такая любовь-дружба куда надежнее, и не портится от времени, тем более что ты здоровый и сильный мужчина, и от тебя пойдут такие же здоровые и сильные дети.

– Да, Лилия, ты права, – последний раз глянул я на Забаву, – если она такая, какой оказалась, то я не желаю ее знать. Но и дев ваших на ложе принимать тоже не буду. Так им об этом и скажи. Сейчас мне значительно важнее встретиться с вашим князем Серегиным и узнать, будет ли он помогать моему господину светлейшему князю Идару. Это для меня сейчас важнее всего, ибо я давал ему клятву на мече и не могу ее презреть.

Дева Лилия немного подумала, потом изрекла:

– Тогда иди, Ангелина и Федра тебя проводят, а у меня еще есть дела. Прощай, Добрыня, надеюсь, мы больше не увидимся.

– Но почему не увидимся, дева Лилия? – удивился я.

– А потому, – Лилия по-детски показала мне язык, отчего стала похожа на мою младшую сестренку Добронегу, – что попасть ко мне в руки ты можешь только как тяжело раненый на поле брани. Желаю тебе, Добрыня, только наносить врагу

в бою удары и не получать ни одного в ответ. Прощай!

Произнеся эти слова, дева Лилия вдруг взяла и неожиданно исчезла, буквально растаяв в воздухе, а я оглянулся и еще раз подивился происходящему. Множество людей в самых разных одеждах с занятым видом сновали туда-сюда. Одни, одетые как поляницы, куда-то уводили развязанных полонян, несли на руках малых плачущих детей, при этом другие, в одежде попроще, за руки, за ноги, таскали трупы убитых обров, и охапками, как простой хлам, без всякого уважения, носили их мечи, луки и копья.

Обернувшись, я так и застыл с открытым от удивления ртом. Прямо за моей спиной появились ворота, ведущие в украсно-украшенный чудесный город, над которым всюду занимался рассвет, хотя здесь до рассвета еще была одна стража, никак не меньше. Именно туда, в этот город, уводили полонян и уносили трупы обров и их оружие.

– Идем, Добрыня, – сказала одна из поляниц, которую звали Федрой, – время ждать не будет, и архонт Серегин тоже, он у нас очень занятой человек, хотя и бог войны.

– Справедливой оборонительной войны, – назидательным тоном добавила та, которую звали Ангелиной, – так что эта заварушка с обрами-аварами ему как раз по специальности.

Если раньше их речь казалась мне бессмысленным набором звуков, вроде журчания ручья или скрипа телеги, и только изредка в ней проскакивало что-то знакомое, то сейчас я хорошо понял каждое слово, и тем удивительнее для меня

было это событие.

– Э... – только и смог изречь я.

– Закрой рот, милый Добрыня, и иди за нами, – быстро сказала поляница Федра, – чудеса еще только начинаются. Мы тоже сначала пугались, а потом привыкли. Архонт Серегин говорит, что человек ко всему привыкает – и к железным повозкам, которым не нужны лошади, и к чародейству, и к тому, чтобы шагать через миры, не замочив ног, как через весенние лужи.

– Да-да, иди с нами, Добрыня, – добавила, улыбаясь, поляница Ангелина, – а мы пока тебе все объясним. Эта малолетняя богиня Лилия такая шутница – научила человека языку, а он даже и не понял, бедняжка.

Ну и шуточку у них тут, в тридесятом ведьмачьем царстве. Раз – и шагнул из одного мира в другой. Любопытно, чего этому богу-архонту Серегину из чудесного верхнего мира надо от нас, антов, погибающих под натиском злых обров, и какую цену он запросит за то, чтобы обрушить на их головы все свое войско и все свои ужасные чудеса?

* * *

Семьдесят девятый день в мире Содома. Утро. Заброшенный город в Высоком Лесу

Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Итак, первый день нашей боевой операции привел к тому,

что если весь выхлоп и не ушел в песок, но по большей части мы опоздали. На правобережье Днепра большая часть авар-обров уже снялась с селений, в которых она квартировала, и отправилась к месту сбора всего войска. Наша «мельница» только слегка прихватила кагана Баяна за зад. Тысячи три этих мерзавцев в скоротечных схватках мы положили, причем наши собственные потери были незначительны. Безвозвратно погибли тридцать восемь воительниц, в основном боевых лилиток, вышли из строя на сроки от трех месяцев до года сто двадцать шесть, и на срок менее трех месяцев – триста восемьдесят пять бойцыц. Причем самые большие потери мои воительницы понесли там, где сошлись с аварами врукопашную лицо в лицо, глаза в глаза...

Конечно, с точки зрения обычного военачальника, соотношение потерь в мою пользу просто зашкаливает – почти восемьдесят к одному, но ведь я чувствовал смерть каждой из них как свою собственную. Ведь я же их бог, а не просто погулять вышел, и в какой-то степени они до сих пор живы и сидят у меня в сознании, как частички нашего единого Я. Было бы у этих лилиток больше личной индивидуальности, так их можно было бы выделить из этой общей массы и, как говорит Колдун, силой нашей магической пятерки переселить в еще чьи-нибудь тела – например, тела пятерых молодых пленных обринок, сознания которых все едино надо выкидывать на свалку, потому что таких мерзких гадин, как они, белый свет еще не видывал. Пятерых – это только по-

тому, что удалось прихватить только одно кочевье, и только пятерых баб удалось взять живыми. Остальные дрались как дикие кошки, чем и заслужили свою смерть.

В любом случае вопрос подвисает в воздухе. Во-первых – тел пять, а не тридцать девять. Во вторых – неизвестно, как изгонять из тела прежнего владельца или владелицу, и неизвестно, к чему приведет конфликт двух душ в одном теле, причем с диаметрально противоположными жизненными установками. В-третьих – как я уже говорил, неизвестно, как выделить конкретное сознание из общей массы теперь уже почти в двадцать тысяч воительниц, потому что бывшие мясные из вспомогательных подразделений тоже откликнулись на Призыв. Можно было бы найти и «в-четвертых», и «в-пятых», и «в-шестых», и так далее. Правда, остается вопрос, что делать с теми самыми пленными обринками, ибо перерезать им глотку только за то, что они такие, какие есть, кажется мне преступным и мерзким.

Или махнуть рукой на все и потом закинуть этих баб вместе с остальными пленными обрами в какой-нибудь безлюдный мир, понадеявшись на то, что результат выйдет лучше, чем у Отца с миром Содома. С другой стороны – если он пожалел целый народ, то кто я такой, чтобы быть суровее его. Пусть живут эти обры; но только там, где они никому не причинят вреда, кроме самих себя. А что касается погибших боевых лилиток, то для них растворение внутри единого сознания боевого единства, наверное, может считаться полным

аналогом райских куш. Пусть их души наконец наслаждаются честно заработанным покоем и блаженством, а на их места в строю мы найдем других.

Кстати, продолжать мельницу завтра уже нет смысла, ибо отрядов меньше чем в тысячу всадников, уже нет, и они продолжают укрупняться, собираясь в три группировки. Первая – северная, в ней около двадцати тысяч всадников, которыми командует сам каган, и она очевидно, переправившись примерно там, где в наше время расположен Кременчуг, пойдет на запад по самым густонаселенным антами местам, собирая деньги, полон на продажу, и походя примучивая славянских воинов для будущих боевых действий чужими руками. Аварам интересно не Поднепровье, а Паннония, поэтому эту землю они будут вычищать до белых костей. Кто не успеет убежать на север и спрятаться в лесах, тот сам виноват в своих бедах.

Вторая группировка отвлекающая, численностью до десяти тысяч всадников, и командует ей старший сын кагана. Ее задача – переправившись через Днепр в районе Хортицы, установить на ней свой торговый пункт взамен того, что принадлежит князю Идару, а также разграбить и уничтожить селения антов на южной окраине их племенной территории. Именно на эту часть аварского войска пришлись основные потери от нашей «мельницы».

Третья группировка из тридцати тысяч всадников-болгар, возглавляемых их ханом Заберганом, сосредоточена в ниж-

нем течении Днепра, там, где славянских селений нет совсем, и ее задача – быстро выдвинуться в район нижнего течения Дуная, чтобы приготовить все необходимое для зимовки авар. Грабить кого-то им не по чину, а вот трудиться для новых господ в самый раз.

Так вот, еще одна неприятная новость вчерашнего дня... Этот светлейший князь Идар, чтоб его черти насмерть залюбили, вообразил себя спартанским царем Леонидом и собрался с тремястами (или чуть больше) дружинниками, останавливать почти восьмитысячное войско, встав перед ним «нерушимой стеной». Знакомые мотивы, и глупость тоже знакома; и хоть я послал туда освобожденного мною из плена дружинника Добрыню, но на благополучный исход надежды нет, ибо князь Идар – это такой упрямый баран, который каяться начинает только на вертеле. Как говорится, заставь чудака богу молиться, он и лоб расшибет. Жалко не самого Идара (ну и хрен с ним, если такой дурак) жалко отборную дружину, которая может погибнуть вместе с ним. А это люди по большей части с невосполнимым здесь опытом службы в римских легионах, то есть в настоящей, пусть и немного разложившейся, регулярной армии.

Единственная приятная новость заключается в том, что в течение этой ночи магическими средствами нам удалось локализовать то место, из которого мне отзывается сознание больного и желчного старика – возможно, одного из последних великих римских полководцев. Он действительно сидит

под домашним арестом, и император на него очень зол из-за разных наушников. Но это не имеет никакого значения, потому что в следующую ночь мы обязательно посетим товарища Велизария, и вырвем его из цепких лап придворной камарилы.

* * *

6 августа 561 Р.Х. Утро. Византийская империя, префектура претория Востока, диоцез Фракия, провинция Европа, 35 километров к западу от центра Константинополя, Триклиний загородной приморской виллы Флавия Велизария и его жены Антонины

Отставной полководец империи Велизарий вышел к завтраку в мрачном расположении духа. Он чувствовал себя дряхлым стариком, у которого впереди лишь холод могилы, тьма и забвение. Собственно, он и был стариком, пятьдесят шесть лет – почтенный возраст. Но годы не давили бы на него так сильно, если бы он коротал закат своей жизни, окруженный заслуженным почетом. Но что есть человеческая слава? Сама по себе она может дать только моральное удовлетворение. Все остальное зависит от сильных мира сего. Когда-то Велизарий был блистательным полководцем, равного которому трудно было сыскать за пределами Византии – его ценили, уважали, с ним советовались, перед его персоной бла-

гоговели. А теперь, в силу неисповедимого промысла судьбы, он потерял доверие императора, и теперь доживал остаток жизни в опале, лишенный возможности применять свои таланты и энергию на пользу государству.

Так что у Велизария не было причин веселиться. Его уже давно ничего не радовало, он все чаще впадал в задумчивую рассеянность, свойственную старикам, утратившим жажду жизни и уже чувствующим приближение смерти. Только сны и воспоминания ненадолго оживляли отставного полководца, и тогда он склонен был поговорить со своими немногочисленными домочадцами, вспоминая былые подвиги...

Последний раз его военный талант потребовался императору Юстиниану два года назад, когда конная орда болгарского хана Забергана вторглась во Фракию и, грабя и убивая, дошла почти до этих мест. Тогда император в последний раз обратился к великому полководцу – и тот разгромил наглых варваров, изгнав их из пределов Империи обратно в свои степи. Правда, злые языки в Константинополе говорили, что варвары ушли не потому, что были разгромлены возглавляемой Велизарием армией, а исключительно оттого, что в их степи пришли нанятые императором Юстинианом новые федераты империи, по прозванию авары. Дальше клеветники дошли до того, что обвинили Велизария в том, что он вместе с булгарами составил заговор против империи, чтобы во время следующего вторжения сдать им Константинополь со всеми его несметными богатствами.

И это было неизбежно – раз на небе есть солнце, которое светит на землю, то найдутся и тучи, которые попытаются его затмить. Во главе группы лиц, желающих низвержения Велизария или даже его казни, стоял комит (начальник) императорских телохранителей-ескувиторов патрикий Руфин – человек завистливый, мелочный и низкий, который с крайним раздражением относился к тому авторитету, который Велизарий имел в византийской армии. В результате интриг и наущничества император Юстиниан, ставший на старости лет весьма подозрительным, конфисковал у Велизария все его многочисленные имения, забрал всех солдат личной армии ипаспистов-букеллариев, а самого поместил под домашний арест в его же загородном доме, из которого была удалена большая часть слуг.

Из близких к Велизарию людей в загородном поместье оставались только престарелая супруга Антонина, шестидесяти пяти лет от роду, и ее ровесник старый верный секретарь Прокопий Кесарийский, которые также находились под домашним арестом вместе с отставным полководцем. Такой жизнью Велизарий и его близкие жили уже больше полугода, и было неизвестно, сколько это еще продлится.

Охраняли Велизария сто императорских гвардейцев-схолариев, подчиненных сообщнику все того же патрикия Руфина, магистру оффиций Евтропию, отчего старый полководец каждый день ждал к себе визита палача. Но патрикий Руфин не торопился – то ли он не имел такой власти, что-

бы приказать схватить и пытаться своего старого врага, то ли хотел до конца насладиться его страхом ожидания пыток и смерти.

Но сейчас Велизария, похоже, беспокоили совсем другие думы.

– Мне снился ужасный и одновременно сладостный сон, – шамкая беззубым ртом, сказал он, укладываясь на обеденное ложе рядом с низким столиком, – будто я снова молод, красив и команду армиями. Но вместо обычных римских войск и варварских федератов под моим подчинением почему-то оказались солдаты-женщины в странных одинаковых зелено-коричневых доспехах. А началось все с того, что я слышал трубный Глас архистратига архангела Михаила, зовущий меня на битву, и я пришел и встал во главе этих армий. И тот, кто позвал меня, тоже стоял на том поле вместе со мной. И та битва не была обычной битвой, в которой свистят стрелы и с лязгом скрещиваются мечи. Там непрерывно гремел гром, били в землю черные молнии, вздымающие столбы разорванной земли, и ползли по земле плюющиеся огнем железные черепахи, а в небе с воем сцепились в схватке стаи ужасных драконов, несущих смерть всему живому. Мы победили, и была велика радость всех христианских народов...

Антонина вздохнула и с сочувствием посмотрела на своего супруга. В последнее время за ним стали отмечаться некоторые странности, и она подозревала, что, страдая от дей-

ствий интриганов и завистников, Велизарий начал потихоньку сходить с ума. А тот, не обращая внимания на присутствующих, взял ложку и принялся с задумчивым и отстраненным видом есть бобы с подливкой, тщательно пережевывая еду беззубыми деснами. Наконец Велизарий отложил в сторону ложку и глубоко вздохнул.

– Наверное, это значит только то, – проворчал он, – что скоро я умру. Ведь только в раю праведники снова становятся молодыми и красивыми; а я, хоть и не праведник, но сделал все же немало для того, чтобы прославить истинную веру и победить неверующих язычников-персов и злокозненных еретиков ариан. Надеюсь, что Святой Петр проявит ко мне снисхождение и вместо того, чтобы низвергнуть меня в ад, пустит в райские врата. А там и до Армагеддона совсем недалеко, ведь именно на эту битву сил Добра и Зла звал меня архистратиг Михаил. Ведь я все же лучший полководец христианского мира, не чета каким-нибудь там Бессу или Иоанну. Ну не язычников же Цезаря, Красса или Помпея ему в самом деле звать к себе на командование?

– Не выдумывай, дорогой, – сказала Велизарию Антонина, некогда одна из красивейших женщин Империи, ныне превратившаяся в высохшую седую старуху, – ты проживешь еще долго и счастливо. А твой сон – это знак того, что Юстиниан вернет тебе свое благоволение, и тогда все твои недруги познают унижение и позор, а ты – величайшую славу лучшего полководца всего христианского мира...

– Ерунда! – ответил Велизарий своей супруге, – для того, что Юстиниан снова вспомнил о нашей былой дружбе и о том, как много я сделал для него и его империи, сначала Небо должно упасть на Землю, разверзая врата в Ад, из которого на Константинополь выступят легионы самого Сатаны. И быть может, тогда, если я буду еще жив, меня вызовут в Палатинский дворец и поручат командование тем, что осталось для того, чтобы попытаться спасти то, что еще возможно... Нет, тот, кто меня зовет – он совершенно иной, я это чувствую. Власть для него ничто, а вот люди – все. Если бы я с самого начала служил подобному господину, то не находился бы сейчас в таком бедственном положении. Там своих не бросают.

Женщина укоризненно посмотрела на мерно жующего Прокопия, мол, почему он не вмешивается, но тот только пожал плечами. Ведь Велизарий – он потому и Велизарий, что ему позволены многие невинные чудачества, не позволенные другим людям. Ну, нравится человеку думать, что его зовет архистратиг Михаил – и пусть себе думает, глядишь, и помирать ему будет не так страшно.

А Велизарий вдруг дернулся, глубоко вздохнул и жалобно, почти как ребенок, произнес:

– Ну вот опять! Он снова здесь, и зовет меня, и я обязательно должен быть с Ним, спаси Господь мою душу!

Прокопий с Антониной снова переглянулись. Обычно в таких случаях зовут опытного врача, но кого могут позвать

люди, находящиеся под таким строгим домашним арестом, что даже немногочисленным оставшимся слугам запрещено ходить на рынок, и на кухню привозят всякую дрянь от магистра оффиций Евтропия. И это Юстиниан еще добр. Ведь их, всех троих, вообще могли бросить в подвалы под Палатинским дворцом и забыть о их существовании. А путь из этих подвалов только один — с камнем на шее на дно бухты Золотой Рог.

* * *

6 августа 561 Р.Х. День четвертый. Утро. Правый берег Днепра чуть ниже по течению острова Хортица и напротив Перетопчего брода

Добрыня, вместе с двумя амазонками посланный к князю Идару, не добился ровным счетом ничего. С утра много времени у него ушло на то, чтобы вместе с амазонками зайти на склад и за счет Серегина экипироваться так, как и положено старшему дружиннику светлейшего князя. Не мог же Добрыня поехать к князю как какой-то оборванец, в протертых и грязных портах и изодранной окровавленной полотняной рубаше, годной теперь только для мытья полов.

При этом подобрать экипировку из готовых рейтарских комплектов на Добрыню было непросто, ибо даже боевые лилитки, достаточно массивные по своему сложению, по форме скорее напоминали прямоугольный шкаф с небольшим

намеком на талию и торчащими вперед двумя огромными полушариями груди. У Добрыни, напротив, фигура напоминала плоский клин, нижней своей частью имеющий достаточно узкие бедра, а в верхней части раздающийся пластами мышц, идущих к могучим плечам. И правильно – из боевых лилиток готовили пехоту, которой следовало повсюду бегать на своих двоих, а Добрыня был из числа всадников, обычно слезающих с коня только затем, чтобы возлечь с женщиной или справить большую нужду.

Для того чтобы подогнать кирасу по размеру, пришлось даже прибегнуть к помощи магии. По счастью, поблизости оказался мастер Гефестий, который теперь буквально дневал и ночевал в парке танкового полка, выглядя при этом так же счастливо, как ребенок, попавший на фабрику игрушек. Это вам не несчастные четыре турбогрузовика; тут новой техники было завались, и везде требовалось хоть что-то исправить или улучшить.

Добрыня отнесся к Гефестию уважительно, приложил руку к груди, поклонился и сказал:

– Здрав буде, повелитель огня и железа бог Сварог.

В ответ тот зыркнул на него внимательным взглядом и ответил:

– Да не Сварог я, паря, а только его коллега, обознался ты. Хотя за пожелание здоровья будет тебе моя благодарность. Пусть твой доспех будет непробиваемым, а оружие никогда не тупится и не ломается. А теперь давай показывай, что там

тебе надо исправить и подогнать...

В руках Гефестия прочный металл становится мягким и пластичным, будто глина под пальцами у гончара; не устояла и кираса, предназначенная для Добрыни, но действовать древнегреческому богу кузнечного ремесла приходилось осторожно, главным образом потому, что он не хотел нарушать наложенные на этот доспех защитные заклинания. Но долго ли, коротко ли, а доспех Добрыни был исправлен, подогнан и надет на своего нового владельца.

Что касается оружия, то никаких подгонок ему не потребовалось. Молодец только полюбовался на льдистый блеск высокосортной стали и ногтем большого пальца попробовал острое как бритва лезвие палаша, способного рассечь хоть шелковый платок на лету, хоть всадника в полном доспехе на скаку.

– Добрый меч, – сказал он, удовлетворенно кивая, – дюже добрый. Персидский, поди, али индийский. Даже у нашего князя такого нет.

– Тевтонский, – сказала тогда Федра, – но ты этого места не знаешь, от вас это очень далекая страна, дальше Персии и дальше Индии во много-много раз.

– Почему же не знаю, – обиделся Добрыня, – тевтоны – это такие германцы, чье племя живет на закат отсюда, в Великом лесу по Рейну-реке!

– Это не те тевтоны, – отмахнулась амазонка.

– Правильно, не те, – подтвердила слова своей подруги

Ангелина, – а их дальние родичи, Не привык еще, что ли, к нашим чудесам, когда близкое оказывается далеким, а далекое близким?

– Не привык, – покачал головой богатырь, – на что тут ни гляну, кругом диво дивное и чудо чудное. Фонтан этот колдовской, повозки, которые сами без лошадей и волов ездят, бог, который тут обычным кузнецом подрабатывает, и князь, который могущественнее иных богов будет...

– Привыкай, воин-брат, – сказала Федра, – то ли еще будет.

Вторая заминка у Добрыни вышла с лошадьми. Нет, пара массивных тяжелых дестрие темно-гнедой масти, кобыла с жеребцом – как раз под стать могучему Добрыне – князьему полянину понравилась. На кобыле было положено ездить в походе, а на жеребца пересаживаться в атаке, так как он злее кобылы, и сам будет копытами и зубами помогать своему владельцу одолеть врага. Но вот упряжь со стальными стремянами, глубоким седлом, и прочей сбруей привели Добрыню в ступор. Дело в том, что у славян (и не только у них) стремяна пока еще не были в ходу. Даже персидские и византийские катафрактари (тяжеловооруженные всадники) не знали стремян, и поэтому были очень неустойчивы в седле. Бывали случаи, что вражеские пехотинцы, окружившие человека-печку, скидывали его с седла и забивали простыми дубинами. Безудержную ярость копейной атаки опирающихся на стремяна всадников показали европейцам те же авары,

которые переняли этот прием у своих куда более многочисленных врагов тюркотов. Но Добрыня был прирожденным всадником, и освоить новую конскую упряжь под руководством двух опытейших и прекраснейших инструкторш ему удалось довольно быстро, всего-то за час с небольшим.

Но пока происходили эти события, время шло в обоих мирах, и когда Добрыня через портал попал на правый берег Днепра неподалеку от Перетопчего брода, солнце стояло уже высоко и события на переправе разворачивались вовсю. В принципе, когда с одной стороны триста бойцов, а с другой десять тысяч, и эти триста не занимают неприступную позицию в узком непроходимом ущелье (в котором ни вправо, ни влево, только взад и вперед), то тогда обходной маневр и разгром горстки обороняющихся является только делом времени.

С высокого берега было видно, как тысяча или две конных аварских лучников, въехав в воду за середину брода, на предельной дальности осыпают легкими камышовыми стрелами дружину князя Идара, построившуюся в пеший боевой порядок у выхода из брода. Пока этот отряд аварских лучников отвлекал на себя внимание и градом стрел вносил в ряды антских воев некоторую сумятицу, основные силы авар в пяти километрах ниже по течению переправлялись через Днепр вплавь, старинным кочевым способом – с использованием надутых воздухом бурдюков. Закончится переправа – и в течение получаса конница авар ударит князю Идару в

тыл, прекратив его бессмысленное сопротивление.

Глядя вниз с крутого обрыва двадцатиметровой высоты (высота восьмиэтажного дома) Добрыня и сопровождавшие его Федра с Ангелиной прекрасно видели построившуюся внизу оборонительную фалангу антских воев-дружинников, перестреливающих с находящимися чуть подальше, на середине брода, легковооруженными конными аварскими лучниками, чьи кони были погружены в воду по самое брюхо. Наблюдали они и то, как вдали, почти на горизонте, заканчивали переправу через Днепр основные силы этой аварской группировки, почти сплошь состоящей из тяжеловооруженных латников. Одновременно с Федрой и Ангелиной эту информацию получил и капитан Серегин. Во-первых – обе амазонки-поляницы были Верными и находились с Серегиным в непрерывной связи, а во-вторых – портал находился тут же, рядом, и до Серегина можно было докричаться просто голосом.

* * *

Тогда же и там же. капитан Серегин Сергей Сергеевич

– Твою же, Идарасову мать, олух царя небесного! – мысленно матерился я, в бинокль оглядывая окружающую местность. Рядом виновато сопел Добрыня и каменными изваяниями застыли приданные ему амазонки.

– Значит так, девочки, – сказал я им вслух, указывая в сторону столпившихся на броне конных аварских лучников, – первым делом заткните глотку этим уродам. Покажите им, как надо стрелять из лука.

– Будет исполнено, обожаемый командир, – ответили обе девицы, подъезжая почти к самому краю обрыва и натягивая тетивы на свои луки.

С одной стороны, было бы проще всего вывести на этот обрыв пару БМП-2 и покрошить аварских лучников из их тридцатимиллиметровых пушек – но это самое простое, а значит, и самое неверное решение. Не нужно пока пугать местных – неважно, антов или обров; и вопрос расхода боеприпасов, которых может не оказаться в тот момент, когда действительно возникнет нужда, тут на самом деле вторичен. То же касается и беглого огня из супермосиных или применения пары пулеметов. Лучники, точнее лучницы, тут будут куда надежнее, если учесть, что это амазонки со всеми их прирожденными талантами, и что их луки и стрелы тоже не без магии, увеличивающей дальность и точность стрельбы, а также пробивную мощь стрел. Хотя последнее против легких лучников, не снабженных никакой броней, совершенно излишне.

Вот саркастически улыбающаяся Федра натянула тетиву своего лука... Раздался громкий хлопок тетивы по специальной кожаной рукавичке, надетой на левую руку – и описавшая крутую дугу стрела под тупым углом вонзилась в шею

высокому аварскому всаднику. Тот вздрогнул, будто не веря в свою смерть, пошатнулся в седле и свалился с коня в текущие воды Днепра, канув там навеки. Второй выстрел сделала Ангелина – и второй обрин отправился в ад; ему павшая с небес стрела пробила легкий кожаный шлем и вошла в мозг.

Обры встревожено загомонили. Раньше стрелы славянских лучников, использующих цельнодеревянные луки-однодревки, до них просто не долетали, и тут такой афронт – два выстрела, два трупa. А вот закинуть свои стрелы к нам на обрыв у них никак не получалось. А если бы и получилось, то на этот случай на нас было заклинание защитного ветра. Тем временем Федра и Ангелина продолжали стрельбу, а им на помощь к порталу уже бежали наши амазонки, не занятые в данный момент на других заданиях, и среди них эта богиня-хулиганка Артемида. Вот ведь девка – хлебом ее не корми, дай по чужим живым людям из лука пострелять. Хотя эти люди сами напросились – так что если Артемида и ее подружки их всех поубивают, я не буду ругать их за чрезмерное применение силы.

Заметили наше появление и анты у переправы, принявшись задира́ть головы в поисках того, кто так лихо косит супостатов. А стрелы амазонок уже сыпались сплошным дождем, ведь здесь, на обрыве, вместе с недавно завербованными дикими их собралось больше полусотни; и, развернув коней, уцелевшие авары поспешили выйти из-под обстрела. Правда, князь Идар этого уже не видел. Одна из последних

стрел, выпущенных отступающими аварскими лучниками, вошла ему прямо в горло, отчего он умер на месте, на руках своих дружинников, так что спешившийся Добрыня, по крутой тропе спустившийся под обрыв, застал уже остывающий труп своего господина. Князь был мертв, как и его наследники, но его дружину и народ антов еще можно было спасти.

После того как мои девочки показали аварам мастер-класс по стрельбе из лука, никто из этих вонючих паскудников не горел желанием повторно лезть форсировать Днепр в этом месте; и в то же время южнее, где закончили переправу основные силы обров, творилась нехорошая активность, выдающая готовность противника к выступлению. Там воины уже натянули на себя снятые на время переправы кольчуги и пластинчатые панцири, а также подтянули подпруги своим лошадям. Это значило, что или я сейчас должен буду нанести встречный удар своими рейтарами при соотношении сил один к двум в пользу противника, или выкатить на поле боя танки; или, самое лучшее, оттянуть свое войнство и идарасову дружину за портал, и пусть авары ловят конский топот.

Эти действия вовсе не означали, что я собирался только отступить. Удар надо наносить там, где противник слаб и не сможет оказать нам серьезного сопротивления. Например, переоткрыть портал по ту сторону реки рядом с полевым лагерем авар, где за легкими укреплениями из составленных в круг воев-кибиток скрывается самое ценное иму-

щество врага – скот, женщины и дети. А если в этом лагере имеет место и семья наследника-тудуна, то там же должны быть и немалые богатства, частью увезенные аварами с покинутой родины, частью награбленные по дороге, частью полученные от Византии в уплату за примучивание болгар и славян.

Но пока нам требовалось отойти за портал в порядке и без потерь, а вот с этим, кажется, нарисовалась проблема. Там, внизу, под обрывом, происходил спор на повышенных тонах, участниками которого являлись Добрыня и какой-то перец с германоязычным именем Сигмунт. Причина столкновения заключалась в том, что этот Сигмунт, принявший власть после смерти князя Идара, оказался даже еще более твердым ишаком, чем прежний руководитель дружины. Потом раздался громкий «шмяк» – и этот Сигмунт на полуслове заткнулся, как будто только что и не разевал свою варежку. Героем дня, как ни странно, оказался не Добрыня, который просто не успел разогреться, а еще один старый дружинник с чисто славянским именем Ратибор⁸, отоваривший Сигмунта палицей по кумполу. Возрастом и положением он только чуть-чуть уступал контуженому скандалисту, но зато здорово превосходил его разумом и боевым опытом. И кроме того, сдается мне, Ратибор, как и многие другие, уже услышал Призыв и теперь стремился принести мне клятву верности.

Быстро переговорив с Добрыней, этот Ратибор приказал

⁸ Ратибор на общеславянском языке означает «защитник леса».

дружинникам поскорее выбираться наверх, на обрыв, где в не приметной степной балке отстаивались их кони. Ай-ай-ай, а мы-то и не заметили. Нехорошо получается. Что мне понравилось, антская дружина уносила с собой не только раненых, но и тех нескольких убитых, которые случились у нее во время той перестрелки с аварскими лучниками. Поскольку наш портал, в который требовалось немедленно уходить, располагался совсем рядом, то Ратибор только заливисто зашвистел, вызывая охранявших коней белоголовых мальчишек-коноводов. Уж не знаю, что там им наговорил Добрыня, но пошли антские вои в портал без всяких колебаний, и только зыркавшие во все стороны глаза выдавали степень их любопытства.

Короче, конная масса обров была еще примерно на расстоянии километра, когда последняя амазонка-лучница перешла через портал обратно в мир Содома. После этого выглянувшая на мгновение в 561-й год Анастасия наслала на атакующих обров локальную грозу с молниями, ураганным ветром и проливным ледяным дождем, сильно замедлившим темп их атаки.

* * *

**Семьдесят девятый день в мире Содома. Полдень.
Заброшенный город в Высоком Лесу
Капитан Серегин Сергей Сергеевич**

Оказавшись в заброшенном городе в мире Содома, Ратибор отвел Добрыню в сторону и принялся с ним о чем-то упорно толковать. Набежавшие на новоприбывших Лилия, Галина Петровна и их медицинские подручные отобрали у антских воев всех, хоть в малейшей степени раненых, да и амазонки вчерне наметили себе будущих жертв ночного секс-террора; а эти двое все еще продолжали свой серьезный разговор на почти непонятном для нас языке. Потом беседа закончилась, Ратибор хлопнул Добрыню по плечу, отчего его кираса загудела как колокол – и эти двое направились в мою сторону. Поскольку у остальных дружинников никто ничего не спрашивал, то я понял, что все полномочия по переговорам были заранее вручены этому самому Ратибору.

– Здрав буде, княже, – с почтительным поклоном сказал временный вождь дружины, затем, выпрямившись и оглядывая меня с ног до головы, добавил, – рек Добрыня, что потребны тебе вои справные да верные...

Не понял... Нет, то есть я этого Ратибора вполне понял, несмотря на всю архаику – но это-то и странно. Или это у меня энергооболочка итерактивным переводчиком работать стала, а архаичность перевода – это от экономии ресурсов и энергии, мол, для этой деревенщины из верхних миров и так сойдет...

И точно – раздавшееся прямо внутри головы хихиканье подтвердило мои догадки. Она, родимая, больше некому. Интересно, мои ответы тоже будут понятны Ратибору или

Добрыне все же придется побыть за толмача?

– Будут, будут, – прошелестело у меня в голове, – еще как будут. Только ты говори немного попроще, а то некоторых словей даже мы не знаем, не то что эти, которые в лесу родились, пню молились...

– Да, – после некоторых колебаний ответил я Ратибору, – хорошие и преданные воины мне нужны. Да только мы не всех к себе берем, и служить у нас требуется не год, не два, и даже не десять, а всю оставшуюся жизнь – неважно, короткой она будет или длинной. А еще вы должны любить свою землю и быть готовыми положить за нее свои головы.

– То добре, княже, – солидно кивая, сказал Ратибор, – а то хлопцы гутарят, что новый князь нам нужен, настоящий. Чтоб оборонил земли наши от навалившейся на нас неведомой напасти, укротил жадность наших старшин, украсно украсил земли антов и сделал так, чтобы все мы почали жить-поживать и добра наживать.

Ага, а ключ от квартиры, где деньги лежат, им не надо? А если что не так? Или, скорее всего, как минует гроза, так сразу раздадутся крики – «князя гэть!». Примерно так же, как новгородская боярская старшина прогоняла князя Александра Ярославича Невского, как только враг был отбит и боярской мощне больше ничего не угрожало. Не, в такие игры я не играю и другим не советую.

– Да ты, Ратибор, – притворно удивился я, – никак меня на княжение зовешь, а не на службу нанимаешься?

– Зову, княже, – кивнул Ратибор, спокойно и уверенно глядя мне в глаза, – земли у нас богатые, народ обильный, вои хоробрые, а...

– ...а враги смертоносные, – добавил я, – ты, уважаемый Ратибор, не ходи вокруг, как лис вокруг западни. Нужен тебе князь-защитник – будет тебе такой. Но обо всех этих условиях, чтобы жить как по старине, ты и думать забудь. Гро-мить обрыв и строить в этих краях сильное славянское государство я все одно собирался, с вами или без, ибо такова моя задача. Все остальное же от лукавого Чернобога.

– Т-с-с-с! – сказал Ратибор, суеверно подув через плечо, – не поминай проклятого всеу, княже. Скажи лучше, велико ли твоё войско?

– Две тьмы (двадцать тысяч), – ответил я, имея в виду и боевой, и вспомогательный состав.

Ратибор снял шлем и почесал затылок.

– У проклятого аварского кагана Бояна шесть тем (шестьдесят тысяч), – задумчиво сказал он, – две тьмы обрские, три тьмы болгарские, и еще одна из разных приставших по пути народов. Как мыслишь, княже – сдюжишь?

– Сдюжу, – ответил я, – ведь обры пришли сюда грабить, а грабить, сжав руки в кулаки, не очень-то сподручно. Придется им, шаря по этой земле, растопырить пальцы, а мы своим кулаком эти пальцы пообломаем. Ведь уже сейчас каган Баян уже разбил свое войско на части, одна из которых оказалась слабее моей армии. Дальше будет больше, ты уж поверь.

В поисках ваших селений от жадности обры начнут делить свои войска на тысячи, на сотни и чуть ли не на десятки. Вот тут-то к ним и придет большой полярный лис и всех перекусает...

– Не понял, княже, – удивился Ратибор.

– А тебе и не надо, – ответил я, – это у нас, у русских, такое заклинание на полное уничтожение врага.

– Я помню, Добрыня говорил, что все вы там Великие колдуны, – ответил Ратибор с некоторой долей благоговения и вздохнул, – эх, была не была! Пусть будет по-твоему, княже. Мы, старшая дружина народа антов, зовем тебя к себе князем без всяких на то условий и просим, чтобы ты защитил и оборонил наши земли и наш народ от ужасных обров, и клянемся быть тебе в этом верными соратниками...

– Учти, Ратибор, – сказал я, – государство я буду строить в основном по ромейскому образцу, исключая, конечно, некоторые самоочевидные их благоглупости. Зачем изобретать то, что уже кто-то изобрел до нас... Если вы согласны на эти условия, то мы с вами можем немедленно принести Большую Клятву, после чего я буду служить вам, а вы мне.

– Да, – с некоторой торжественностью сказал Ратибор, – такую клятву мы, вои, тебе принесем. Скажи только, что нам надо делать?

– Все просто, – сказал я, – сперва вы кладете оружие на землю, потом мы клянемся на нем, после чего вы забираете обратно свои мечи и топоры, которые как бы становятся ча-

стью моего меча бога оборонительной войны. Когда вы будете драться этим оружием за правое дело, то силы ваши удвоятся, а если за неправое, то полностью иссякнут. Только сразу предупреждаю – обратной дороги не будет.

– А не надо нам обратной дороги, – нахмурился Ратибор, – кто ее ищет, того хорты по оврагам доедают.

И мы поклялись, после чего, за исключением погибших и разосланных еще Идаром с разными поручениями по градам и весям, в мои ряды влилось двести пятнадцать человек. Как самостоятельная боевая сила, эти люди значили очень немного, но я планировал использовать их как командиров для пешего племенного ополчения, качество которого я не смогу и не успею довести до приемлемого уровня. Но ведь должен же кто-то беречь границы нашей новой державы и с лодок-моноксилов высаживать десанты на вражеской территории.

Ну а пока следующим номером нашей программы идет разгром аварского кочевья, расположенного пока на левом берегу Днепра, рядом с переправой. Ведь как только мы исчезли, лучники, которых ранее отогнали мои амазонки, не только вернулись к переправе, но и перешли на правый берег, присоединившись к основной группировке в поисках черной кошки, отсутствующей в темной комнате, то есть нас. Идеальная ситуация, когда боевые части на одном берегу и заняты всякой фигней, а жирный и вкусный обоз и его небольшая охрана находятся на другом берегу. Пока не позд-

но, это дело надо трясти, и еще как.

* * *

6 августа 561 Р.Х. День четвертый. Около полудня. Левый берег Днепра чуть ниже по течению острова Хортица и напротив Перетопчего брода, Полевой лагерь кочевья тудуна (наследника), будущего кагана Баяна II

К сожалению, анты, которые держали оборону на броде и доставили благородным обртам множество хлопот, делись неизвестно куда, и тщательное прочесывание местности не дало результата. Отряд, не такой уж и маленький, будто провалился сквозь землю, и опытейшие следопыты, недоумевая, только пожимали плечами. Все следы сходились в одно место, откуда люди – фьюить – будто улетали на небеса. Скрепя сердце, тудун дал команду переводить кочевье через Днепр, ибо к заходу солнца переправа должна быть уже завершена. Но с самого начала вышла незадача.

Едва первые кибитки на огромных цельнодеревянных скрипучих колесах начали покидать свои места в оборонительном круге и через прибрежные заросли камыша направились к броду, как сразу же, откуда ни возьмись, прямо из воздуха, в степи появились скачущие во весь опор страшно кричащие злые шулмуски и их главари – еще более злобные

мангусы⁹. По крайней мере, так думали охранники кочевья, метавшие в них стрелы, но так и не сумевшие добиться ни одного попадания. И было этих шулмусок во много раз больше, чем охранников кочевья, а летящие от них стрелы нет-нет да и доставали какого-нибудь обрина своим железным острием, заставляя того падать замертво. Мистический ужас и чувство обреченности испытывали обры, глядя на все это. Смерть явственно улыбалась им сквозь пылевую завесу...

А потом из-за спин конных арбалетчиков в сомкнутом строю нанесли свой таранный копейный удар три тысячи рейтар. В результате около восьми сотен юных или совсем старых обров, оставленных охранять все самое ценное, что было у их родов, пали под широкими грудями и толстыми ногами боевых дестрие, тяжелой лавиной прокатившихся через их строй.

На правом берегу пришедший в отчаянье тудун приказал было по броду форсировать Днепр в обратную сторону и спасти то, что можно спасти; но две тысячи арбалетчиков, которые Серегин вывел на берег, градом запущенных по настильной траектории болтов показали обрам, что здесь им не тут. Почти до самого заката спешившиеся арбалетки держали под прицелом ставший для обров проклятым брод, прицельной стрельбой отражая одну самоубийственную атаку обров

⁹ Шулма (шулмуска по-русски) в тюркском фольклоре – безобразные ведьмы, нападающие на людей, а мангус – это злое могущественное сверхъестественное существо мужского рода, которому не причиняет вреда ни меч, ни огонь, и одолеть его можно только колдовством.

за другой. Дело усугублялось еще тем, что большая часть раненых обров, упав с коня, банально тонула в реке, ибо раненому для гибели хватит и метра глубины на броде. Правда, за время сражения Серегину пришлось два раз подбрасывать арбалетчикам свежие запасы болтов, но это того стоило. Лучше топить в реке болты и врагов, чем своих собственных воителей и воительниц. Отошли со своих позиций арбалетки только тогда, когда группа реализации победы поделала все свои дела и вывезла через портал всю мало-мальски ценную добычу.

Итогом дня стала такая кровавая трепка, какую обры не получали даже от тюркотов, своих учителей-победителей. Воинство тудуна вдобавок к потерям от утреннего боя лишилось еще четырех тысяч храбрых всадников и, кроме того, были потеряны все родные и близкие воинов-обров, которые вместе со своим скотом бесследно исчезли с того места, где раньше располагалось кочевье, причем исчезли вместе с нападавшими. На месте трагедии осталась только истоптанная копытами коней земля и беспорядочно разбросанные тела мертвых аварских мужчин. У бывалых головорезов волосы шевелились на голове от ужаса. Уже не в первый раз нападающие на них то ли люди, то ли демоны появлялись неизвестно откуда и исчезали вместе с добычей неизвестно куда. Когда творятся такие дела, то и людоеды начинают плакать как дети.

Обследовавшие место боя у кочевья следопыты сразу

доложили тудуну, что обнаружили множество отпечатков крупных подкованных копыт, вдвое превосходящих копыта обычных степных лошадей, но, к сожалению, не нашли ни одного выжившего в бою авара, который мог хотя бы приоткрыть завесу тайны над тем, что произошло в кочевье. Бедолага тудун от отчаяния чуть было не бросился на меч, ведь вместе с семьями воинов и прочих знатных обрвов бесследно исчезла и его собственная семья, состоявшая из пятнадцати любимых жен и наложниц, и некоторого количества их детей, а также сокровищница с золотым запасом почти в сто тысяч римских солидов. Это была его доля от добычи, а также от выплачиваемых Византией субсидий, составляющих восемьдесят тысяч солидов в год. И теперь все эти потери требовалось объяснить его благородному отцу, и еще неизвестно, не прикажет ли он распять своего неудачливого сына, который не сумел защитить от врага даже собственную семью.

* * *

Восьмидесятый день в мире Содома. Час пополудни. Заброшенный город в Высоком Лесу
Капитан Серегин Сергей Сергеевич

Операция «Хватай и беги» прошла вполне успешно. Безвозвратных потерь у нас не было, а раненые и расход боеприпасов, в смысле арбалетных болтов, совсем не в счет. Мэри

в мире Подвалов сделает заказ на болты, раз уж пошла такая пьянка; а Лилия с Галиной Петровной в два счета поставят всех раненых на ноги, как уже ставят антских дружинников, раненых еще утром во время боя у переправы. Когда их привезли, то трое из этих достойных мужей находились между жизнью и смертью, и даже не стонали, потому что стонать настоящему мужчине и вою крайне неприлично. И вот теперь (а ведь прошло всего несколько часов) они уже хватают за ляжки санитарок и требуют жареного мяса и столетнего меда.

Пришлось посылать к этим стоялым жеребцам товарища Ратибора, чтобы он объяснил им правила приличного поведения в нашем обществе, потому что если эти достойные воители не прекратят ломать из себя нарочитых варваров, грубых и неотесанных, то придут боевые лилитки и дадут мастер-класс в бое на кулаках и выносе бесчувственных тел на пинках. И сразу, как по волшебству, все стали смирными и благоразумными.

Нет, в записных интеллигентов эти ребята не превратились, но хотя бы вспомнили все положенные в их обществе правила вежливости и начали относиться к персоналу из бывших мясных лилиток и «волчиц» как к честным хозяйским дочерям, а не как к служанкам-рабыням, которых и на сеновал стаскать не грех. Правда, «волчиц» эти достойные мужи побаивались с самого начала, называя их «кощевыми дочерьми». Неужели и в самом деле был такой внушаю-

ший ужас персонаж, что даже мимолетное сходство с ним заставляет этих не боящихся ни Белобога, ни Чернобога воев, знатных рубак и завязтых женолюбов робеть и скромно отходить в сторону? Кстати, в изменении поведения раненых дружинников сыграло свою роль и подселение к ним боевых лилиток и «волчиц», получивших ранения в еще одной жаркой схватке и на правом, и на левом берегу Днепра.

Как всегда бывает во время крупного сражения, раненые в лазарет шли потоком, тем более что в самый разгар попыток авар налезть обратно через брод на левый берег примерно тысяча их латников в поисках того, чего там никогда не было, слишком далеко углубилась в степи и оторвалась от основных сил. Соблазн быстро прикончить эту группировку у меня был настолько велик, что мы (то есть Пятерка) на какое-то время прикрыв портал на левый берег, где шла схватка за кочевье, открыли его на правом берегу, бросив в бой стоявшие наготове уланские дивизии капитана Зиганшина и старшего лейтенанта Карпова, каждая по три тысячи сабель.

Удары по аварскому соединению наносились с двух сторон, по сходящимся направлениям, в результате чего пытавшиеся ускользнуть от шестикратно превосходящего противника авары были прижаты к глубокому сухому оврагу, который невозможно форсировать в конном строю, и беспощадно, до последнего человека, истреблены сначала арбалетными болтами, а потом и в горячей сабельной рубке. Те немногочисленные авары, которые, бросив коней, попы-

тались перебраться через овраг на своих двоих, также приняли смерть от хладнокровно стреляющих им в спину арбалетчиц. И воительницы этих двух дивизий, и их командиры, весь вчерашний день участвовавшие в «Мельнице», сполна понасмотрелись на то, что творили в славянских селениях эти тюркоязычные юберменши шестого века, и теперь платили им за все сходной монетой. Око за око, зуб за зуб, смерть за смерть, пленных не брать – и другие тому подобные лозунги тотальной войны.

В результате этой операции аварский тудун лишился еще тысячи воинов, и его силы, первоначально равные «тьме», то есть десяти тысячам воинов, сократились до трех тысяч, из которых две тысячи всадников были латниками, а тысяча легкими лучниками. В результате этого мною овладела ужасно соблазнительная идея покончить с этой бандой одним ударом, после чего, обезопасив славянские поселения в ближайших окрестностях, можно будет переключать внимание и на самого кагана. Чтобы съесть слона, нужно разрезать его на маленькие кусочки, и нападать потом на эти кусочки, имея над ними подавляющее численное превосходство.

Когда-то в юности, или даже в детстве, я читал роман Валентина Иванова «Русь Изначальная» и представлял себя Ратибором, скачущим на врага во главе славянского войска. И вот теперь, попав в почти точный слепок тех времен, я немного с горечью узнаю, что художественного вымысла в той книге было больше, чем исторической правды. Узнаю и

то, что напали на славян авары, а не хазары, которых как таковых еще нет и в помине (их время начнется столетие спустя), и то, что граница славян уходит далеко в степь, почти до самого синего моря, и то, что славяне не совсем славяне, а скорее славяно-алано-готская помесь...

Но есть и много того, в чем писатель был несомненно прав, и эта правота перевешивает весь художественный вымысел. Он был прав, когда писал о нежелании старейшин дальних родов помогать тем, кто уже подвергся вторжению и разорению. Он был прав, когда писал о роли Византийской империи, рабовладельческого хищника, разбросавшего повсюду свои липкие щупальца. Он был прав, когда писал о героизме немногих воев, вставших на защиту родной земли. Несмотря на ту бездну времен и миров, которая нас разделяет, мы не чужие этим людям – и теперь те, кто решили их обидеть, будут жить очень недолго и очень интересно.

Кроме всего прочего, в результате боев этого дня наши воительницы и их молодые командиры сумели обзавестись дополнительным боевым опытом. Теперь они намного уверенней вели себя в условиях реального боя – не суетились и не медлили, четче исполняя приказы командира. И стоило это нам всего несколько десятков раненых, большинство из которых при магическом лечении вернутся в строй за три-семь дней. Если оценивать готовность соединений к сражениям по пятибалльной системе, то из четверки с минусом моя кавалерия перешла в разряд четверка с плюсом, разведбат,

благодаря талантам капитана Коломийцева и его замполита, старшего лейтенанта Антонова, получил пятерку, правда с минусом. Остальные подразделения бывшего танкового полка так и остались не бывшими в бою троечниками.

Совершенно отдельно от остальных частей стояла наша первая амазонская рота специального назначения, готовая выполнить любой приказ и отправиться в любое место Вселенной, хоть на Тау Кита. Пока они у нас работали инструкторами по мобильной степной войне, но потом эту роту совершенно определенно ждет особая слава. Тратить их таланты на каких-то авар я не хотел – много чести этим аварам, если ими будут заниматься сами победительницы херра Тойфеля. Нет, этих девчонок я задействую только в том случае, если, к примеру, мне надо будет взять штурмом императорский дворец и тет-а-тет побеседовать с императором Юстинианом или его приемником, а пока пусть остаются в резерве..

Но это были еще далеко не все результаты сегодняшнего дня. Возможно, что его главным итогом был захват и угон аварского кочевья. Поскольку авары – это кочующий народ, то на каждого воина в первой линии приходится от трех до пяти чад и домочадцев, а также домашние слуги и семейства мастеров, обслуживающих немудреный походный быт. Не сами же воины обров куют себе новое и исправляют поврежденное в бою оружие, делают шлемы, кольчуги и ламеллярные панцири, режут из кости и льют из золота украшения

своим женам? Конечно, нет. Обры – они только воины (точнее, разбойники) и физический труд является для них унижительным и неприемлемым. Таким образом, от двух третей до трех четвертей населения этого кочующего города составляли как раз не обры, а представители различных покоренных и ограбленных народов, находящиеся иногда на положении полу, а иногда и просто рабов.

Единственная работа, кроме убийства, на которую может согласиться обрин, это пастьба скота, причем скота, принадлежащего именно его роду, и никакого иного. Кстати, скота как раз при кочевье было маловато – то ли у бежавших от тюркотов обров изначально не было огромных стад, то ли они потеряли их уже здесь, в Причерноморье, в результате каких-нибудь непривычных для них климатических аномалий.

Мы захватили примерно две с половиной тысячи повозок-юрт, в каждой из которых находилось по десять-двенадцать «пассажиров». Но реальное население кочующего города было все же несколько больше среднеарифметических тридцати тысяч, поскольку часть слуг и рабов ехала рядом с повозками на лошадях или даже шла пешком, ибо в походе запряженные волами огромные повозки передвигались не быстрее пешехода. Таким образом, десять-двенадцать тысяч из этих людей были престарелыми обрами, обринками всех возрастов и маленькими обрятами, а еще от двадцати до тридцати тысяч – их иноплеменными рабами обоих по-

лов: тюрками, хазарами, хорезмийцами, албанами, аланами, готами, булгарами и славянами. И вот вся эта разнородная масса увидела, что их господа потерпели поражение и втоптаны в прах; и победители торжествуют, потрясая оружием, под яростный топот копыт, и что это не набег, а стремительный и беспощадный захват. Тогда последние стали первыми и наоборот; и многие мужчины-обры узнали, насколько тяжелы кулаки у их слуг, а женщины-обринки – как это больно, когда их таскают за косы и бьют ладонями по щекам.

Потом к месту захвата кочевья прибыли Ратибор с Добрыней, которые стали у меня кем-то вроде комиссаров, и при помощи дружины антов упорядочили процесс отжима обрского кочевья. Немногочисленных случайно затесавшихся в кочевье мужчин-обров и мальчиков-подростков убивали прямо на месте, проверяя каждую кибитку перед переправкой ее в мир Содома. Делать то же самое в отношении женщин и детей я им запретил, и более того, приказал охранять некомбатантов от ярости толпы. Пригодится воды напиться, да и претит мне на ровном устраивать геноцид. Есть же другие, куда более гуманные методы сделать так, чтобы проклятые обры сгнули на роса на солнце. Сразу за порталами взрослых женщин-обринок, девочек-подростков и детей отделяли от их бывших рабов... Оставалось только понять, что мне с ними теперь делать.

Самым простым решением было бы загнать всех обринок тевтонам (для тех женщины с нормальной ориентацией

и неискаженным магогенетическими манипуляциями внешним обликом наверняка должны являться достаточно большой ценностью), а взамен попросить у них еще бывших мясных лилиток, пусть даже и в соотношении три к одному. Уж очень понравились мне эти стройные, тихие, немногословные, легко обучаемые, исполнительные и старательные девицы. И не беда, что некоторые обринки потеряли товарный вид по причине возраста. Для их предпродажной обработки у меня есть Дух Фонтана, Лилия и госпожа Зул. И пусть от этого решения немного отдаст работорговлей, но это значительно лучше, чем просто хладнокровно зарезать этих женщин, как предлагал Ратибор, или сослать их в необитаемый мир, как я предполагал первоначально. В конце концов, после того как над ними поработает магия молодости и красоты, их, скорее всего, будет ждать судьба любимых наложниц или даже любимых жен. И хватит о них. Что касается их детей, то их воспитают в славянских семьях, и вырастут они славянами. Опять же, так будет лучше для всех – и для них самих и для нас, вынужденно отобравших у них родителей.

Остальное рабское и полурабское население захваченного кочевья делилось на две неравные половины. Меньшую (примерно треть) составляли молодые женщины – наложницы воинов и служанки знатных обринок. То есть, как говорил товарищ Сталин про товарища Троцкого, «красивые ненужности». Хотя как знать, как знать. Может быть, и у этих девиц тоже есть какие-то таланты, помимо постельных. Самым

простым решением было бы вернуть этих красавиц их семьям, разумеется, если таково будет их желание.

Большая часть рабов, напротив, была высококвалифицированными мастерами, изготавливающими образ все, что необходимо для жизни и для войны, и это явилось ценным приобретением. В эту эпоху господства натурального хозяйства каждый обеспечивал себя как мог, и если я действительно здесь и сейчас буду основывать новое славянское государство, то мастера, привнесшие сюда восточные и центральноазиатские технологии, мне очень пригодятся. Правда, заброшенный город в мире Содомы – не очень хорошее место для того, чтобы разворачивать промцентр, но ничего, мастера подождут, пока я не заложу столицу нового государства – и почему бы ей не быть на месте нашего Александровска-Запорожья? Место вполне удобное и для обороны, и для торговли, и для связности державы, если иметь в виду главную коммуникацию – реку Днепр с притоками.

Самый приятный сюрприз в захваченном кочевье ждал нас в виде довольно значительных денежных средств. Восемьдесят тысяч солидов в звонкой византийской золотой монете и сорок тысяч по весу металла в золотых и серебряных изделиях. Срочно вызванная к месту разбора полетов Мэри сияла не хуже этих монет. Эта сумма почти утроила содержимое нашей казны, и хоть сбыт волшебной воды несколько сократился, на эти деньги я мог формировать и оснащать в Тевтонии новые части, например такие, что ни-

когда не покинут пределов этого мира. Хотя, насколько я понимаю, в ставке кагана этого бабла должно быть еще больше, ведь сами обры не практикуют денежное обращение, и дань с покоренных народов и награбленные сокровища просто складывают в кубышку. Ничего, нам эти деньги нужнее, так что каган Баян может считать себя покойником. Его пенсика уже спета.

* * *

6 августа 561 Р.Х. день четвертый, за час до полуночи. Левый берег Днепра чуть ниже по течению острова Хортица и напротив Перетопчего брода, Временный полевой лагерь кочевья тудуна (наследника), в нашем мире будущего кагана Баяна II

Страшен был этот день для авар-обров. Начавшись со сладкого предвкушения маленькой и почти бескровной победы, он закончился горечью страшного поражения, нанесенного неизвестными силами несомненно колдовской природы. Крупные отряды прекрасно обученной и экипированной конницы в самый решающий момент появлялись ниоткуда и исчезали в никуда, сделав свое дело. Страшно бессилие полководца, все удары которого вязнут в пустоте как в мягкой ватной подушке, и противник которого не просто неудержимо победоносен и несокрушим, а даже непонятен и непостижим. На всю оставшуюся жизнь тудун запомнит

смертоносный посвист болтов с цельноковаными металлическими наконечниками, на расстоянии в тысячу шагов с легкостью пробивающих кольчуги и ламиллярные доспехи обров в то время, когда их стрелы просто не долетали до врага. Но там, на том берегу, погибали их семьи, и обреченные¹⁰ на смерть степные удалыцы шли через брод в одну безнадежную атаку за другой, и падали в быстротекущие воды чужой славянской реки, которая сама добивала их и сама хоронила в своих глубинах, так что их товарищи уже не могли организовать им погребение по своему обычаю, даже знатнейших из знатных – приближенных к трону кагана тарханов и родовых вождей этельберов.

Но неведомый и непознаваемый мангус, помогавший славянам, жестоко над ними надсмеялся, потому что, когда подчиненные ему шулмуски оставили свою позицию, то на том месте, где располагалось кочевье, тудун и его люди нашли только тела убитых мужчин и юношей, защищавших кочевье, а также тех воинов, которые были ранены раньше или были слишком стары, чтобы садиться на коня и брать в руки копье. И никаких следов женщин и детей обров, их коней, рабов и рабынь, а также походных кибиток с деревянными колесами в человеческий рост и стад скота, который служил обрам источником пропитания и мерилom богатства. Все забрал проклятый мангус у обров, ничего не оставил.

¹⁰ Вот еще одно слово образованное от корня «обр», а еще есть оброк и обрыдлый...

Всех павших при защите кочевья стоило бы похоронить в соответствии с обычаями – то есть выкопать на месте боя братскую могилу, уложить в нее не только тела погибших, но и их коней, доспехи, оружие и прочее, вроде юных рабынь-наложниц, ведь это необходимо воину в загробном мире для того, чтобы вести полноценную жизнь лихого степного багатура. Но проблема была в том, что оружие, доспехи, коней и рабынь-наложниц победивший мангус забрал с собой, вынуждая обречь на невыносимый позор похорон своих товарищей без всего того, что было положено класть им в могилу. Да что там говорить – даже копать обречь было нечем, ведь все лопаты, заступы и прочий шанцевый инструмент, необходимый для установки долговременного лагеря и постройки полевых укреплений, тоже благополучно «ушли» вместе с кибитками. Поэтому могилу пришлось рыть уже на закате, а потом и при лунном свете, разрыхляя землю широкими листовидными остриями копий, вычерпывать ее своими собственными шлемами и выносить из ямы на конских пополах. Впервые за всю свою историю благородные обры работали сами, своими руками, а не подгоняли безответных рабов, и это им совсем не нравилось.

Правда, один молодой и горячий этельбер, предводитель тысячи храбрых хуни, предложил было быстро проехать по окрестностям на правом берегу реки, найти сколько получится селений этих глупых славян и набрать сколько получится пленных, которые пригодятся и для выкапывания мо-

гилы, и в жертву, чтобы ублажить души безвременно усопших степных воинов. Тудун тогда посмотрел на юного удальца как на хронического идиота. Ведь стоит какой-то части обров отделиться от основного войска, как тут же это почувствует злой мангус, после чего на маленький отряд последует внезапное нападение огромного числа его злобных воительниц-шулмусок, которые быстро убьют всех, кто был настолько безрассуден, чтобы бродить по окрестностям в меньшинстве.

Итак, к тому моменту, когда луна коснулась горизонта, яма в восемь человеческих ростов в длину, столько же в ширину, и полтора роста в глубину была уже готова. Похороны решили произвести на следующий день, после рассвета, затем усталые и измученные тяжелым днем люди легли спать, используя коня как грелку, попону как одеяло и подстилку, а седло как подушку. Они еще не знали, что вырыли могилу и для себя тоже, потому что их судьба была уже предрешена, и они сами превратились в то меньшинство, которое может быть уничтожено одним ударом... и до того момента осталось совсем немного времени. Проснутся они уже в аду.

* * *

7 августа 561 Р.Х. Три часа ночи. Византийская империя, префектура претория Востока, диоцез Фракия, провинция Европа, 35 километров к западу от цен-

тра Константинополя, Спальня загородной приморской виллы Флавия Велитария и его жены Антонины

Ночь была жаркой и душной – ни ветерка; наверное, поэтому спал Велитарий плохо. Он метался и вскрикивал, говорил какие-то слова на незнакомом языке, как будто спорил во сне с кем-то невидимым, и Антонина уже было начала всерьез опасаться за здравость его рассудка. Потом старик открыл глаза, сел на ложе и, прикрывая простыней худую, впалую грудь, вдруг отчетливо произнес:

– Они идут, они уже совсем рядом, они уже здесь...

Антонина тоскливо подумала, что ее так долго продержавшийся муж наконец-то окончательно лишился рассудка, и что, может быть, в этом и заключался тонкий замысел Юстиниана. Не арестовать, ослепить и казнить популярного среди солдат и офицеров полководца, многократного победителя персов, вандалов, готов, болгар и разных мятежников, что непременно вызовет недовольство в легионах – а всего лишь свести его с ума... Сумасшедший Велитарий, разговаривающий на неизвестном языке со своим невидимым господином, будет выглядеть нелепо и смешно, и не сможет участвовать в заговорах против императора.

Но не успела Антонина выстроить столь логически безупречную конструкцию, как в атриуме их дома, рядом со спальней, послышались шаги нескольких человек. Станные шаги. Так не ходят наушники и шпионы патрикия Руфина, чьи шаги всегда тихи и вкрадчивы. Так не ходят охраняю-

щие Велизария северные варвары из константинопольской схолы, подчиненные магистру оффиций Евтропию, которые обычно топают как стадо буйволов. Так может идти кто-то уверенный в своей силе и своем праве, потому что именно так, уверенно и твердо, в молодые годы ходил сам Велизарий, сокрушивший сонмы и сонмы врагов, и во время мятежа Ника своей сильной рукой реставрировавший на троне уже готового бежать императора Юстиниана.

Ни на секунду великий полководец не пожалел ни о тех днях, ни о той бойне, которую солдаты его личной армии устроили на константинопольском ипподроме, где верхушка мятежников и самые преданные их сторонники собрались отпраздновать успех своего заговора. Он убил их всех до последнего. Лучники герулов нафаршировали мечущуюся константинопольскую чернь¹¹ стрелами, а мерно шагающие следом когорты готов и славян добивали раненых ударами копий и мечей, чтобы ни один мятежник не остался в живых.

(И нечего жалеть об этих людях – в 532-м году на константинопольском ипподроме были точно такие же бабуины, как и в 2014-м на киевском майдане незалежности, и если бы не Велизарий, решительной рукой наведший железный порядок, то судьба Империи вообще и императора Юстиниана

¹¹ Чернь – это не синоним слова бедный, скорее это слово обозначало тот слой городских бездельников, которых процветающее общество с жиру содержит просто за компанию. В наше время таких людей именуют творческой интеллигенцией, и именно они являются основными посетителями проспекта Сахарова и Болотной площади.

в частности была бы очень печальной...)

Но где тогда были хваленые схолярии и ескувиторы, эти разряженные как петухи, клоуны в позолоченных доспехах? Презрев присягу, отсиживались в своих казармах, желая дождаться того момента, когда окончательно определится победитель – и дерьмо пришлось разгребать ипаспистам¹² Велизария и ему самому лично.

Размышления Велизария о прошлом прервал не очень сильный, но решительный стук в дверь. Так стучится сама Судьба, и все понимают, что войдет она вне зависимости от ответа, который ей сможет дать хозяин. Услышав этот стук, Велизарий встrepенулcя, набрал побольше воздуха в выпяченную грудь и по возможности как можно более твердо произнес:

– Если ты тот, кого я жду вот уже три дня, то, пожалуйста, входи, если же нет, то будь добр, пройди мимо и дай пожилому человеку спокойно прожить свои последние дни...

В ответ на эти слова дверь решительно отворилась, и на пороге спальни Велизария и его супруги появилось несколько человек, поражающих своей необычностью.

¹² Ипасписты, они же букелларии – солдаты наемных дружин, по большей части варвары с боевым опытом, служащие лично византийским полководцам и политикам. Некий компромисс между классическими наемниками и дружинами варварских вождей. Ипасписты служили за плату, но считались товарищами, а не слугами своего нанимателя. На пике полководческой карьеры Велизария ему служили более семи тысяч ипаспистов, которым можно было поручить любую задачу, в том числе и отправить на тот свет тридцать пять тысяч константинопольских «конкретных пацанов».

Двое из них являлись мужчинами, один из которых был гладко выбрит и коротко подстрижен подобно римлянам старого закала, а другой носил короткую аккуратную темную бородку, и волосы чуть длиннее, чем первый. При этом оба были облачены в варварскую одежду в виде пятнистой куртки с такими же штанами, но слишком хорошо для варваров пошитую, и оба имели жесткий и решительный вид больших начальников, подчиняющихся только Богу и больше никому. У гладко выбритого на боку висел длинный меч, а у бородатого мужчины на груди покоился большой фигурный серебряный крест, выдававший в нем священника. А еще у этого священника имелось чуть заметное в полумраке бело-голубое свечение вокруг головы...

Увидев это свечение, Велизарий от удивления даже открыл свой беззубый рот, а его супруга позабыла, как скандалить. Не каждый день к ним на огонек заглядывали настоящие святые... И хоть отец Александр был пока что не святым, а всего лишь аватаром, то есть полномочным представителем Отца, но неизбалованные такими явлениями смертные не видели особой разницы между этими двумя явлениями.

Чуть позади мужчин стояли три молодые женщины и мальчик лет двенадцати. Одна женщина была одета и подстрижена подобно гладко выбритому мужчине, и подобно ему же носила на боку широкий меч. По темным глазам и волосам, а также носу с чуть заметной горбинкой эту сумрач-

ную красавицу можно было принять за чистокровную римлянку из старого рода, и только гордое и независимое выражение лица, под стать мужчинам, которых она сопровождала, говорило о том, что это дикая штучка, весьма неумеренная в выражении своих эмоций. Да и рукоять ее меча, оплетенная кожаным шнуром, предупреждала, что в случае какой-либо обиды эта девица привыкла не плакать и жаловаться, а браться за меч, рубя обидчика на несколько кусков.

Две другие молодые женщины – одна с темными волосами, другая со светлыми – были по-варварски высоки и одеты в длинные юбки и накидки, как и приличествует их полу. Было видно, что они в этой компании занимают достаточно важное положение, но здесь и сейчас присутствуют только для комплекта, то есть потому, что так положено. Особой загадкой был мальчик, одетый подобно взрослым мужчинам, к тому же с легким учебным мечом и кинжалом на поясе, что выдавало его достаточно высокое происхождение. При этом он явно играл какую-то самостоятельную роль, а не только сопровождал своих предположительно родителей. К тому же за спиной у этих шестерых, в полумраке освещенного масляными светильниками атриума, неясно маячили мрачные массивные фигуры воинов в полной боевой экипировке, что говорило Велизарию о том, что схолярии магистра оффиций, скорее всего, уже жалуются на свою тяжелую жизнь Святому Петру. Ведь рядом с этими рожденными для войны мрачными головорезами парадные шаркуны из императорских схол

выглядели как слепые котята рядом с африканскими львами.

– Вы ошибаетесь, уважаемый, – вдруг сказала одна из женщин, темноволосая, – ваша так называемая охрана жива и здорова. Просто мы не одобряем ненужных убийств, поэтому, чтобы мы с вами могли спокойно переговорить, люди неуважаемого нами магистра Евтропия просто спят сном праведных младенцев.

Секунд пять Велизарий с женой молчали, потрясенные тем, что их мысли были без труда прочитаны. Однако Антонина первая пришла в себя, и, стараясь справиться с волнением, ворчливо произнесла:

– Ни за что не поверю, что варваров из императорской гвардии можно просто так усыпить, обычно до самого рассвета они топали по двору своими сапожищами и не давали нам с мужем спать.

– Взрослых мужчин так же легко усыпить, как и маленьких детей, – назидательно сказала та странная женщина, – вот послушайте. Баю, баюшки, баю, не ложися на краю...

От ее магнетического голоса глаза у Велизария и Антонины сразу начали слипаться и они бы непременно уснули, если бы священник не остановил ту женщину.

– Анна Сергеевна, – произнес он с легкой улыбкой, – как же мы сможем поговорить с этими достойными людьми, если вы их усыпите? Не все же, подобно вам, обладают особыми талантами входить в чужие сны. Нам и так пришлось приложить достаточно усилий для того, чтобы ваше сонное заклин-

вание не воздействовало ни на уважаемого Велизария, ни на его супругу, ни на достопочтенного Прокопия Кесарийского.

– Простите, отец Александр, – смущенно потупилась та, – я нечаянно...

– Анна Сергеевна, то есть боец Птица, – обращаясь к хозяевам дома, с легкой иронией сказал гладко выбритый мужчина, в котором за версту был виден профессиональный военный, – у нас очень мощный маг разума, и мало кто способен противостоять ее талантам. Но давайте знакомиться. Кто вы такие, мы знаем, так что позвольте представиться. Меня зовут капитан Серегин Сергей Сергеевич, сейчас занимаю должность бога справедливой оборонительной войны. Имею под командой корпус в двадцать тысяч бойцов, большая часть из которых – отборные головорезы, не боящиеся ни бога, ни черта, и преданные только лично мне. Работа эта непростая, и поскольку я не имею особых полководческих талантов, то мне нужен хороший тактик, лучший из всех тех, которых можно найти в это время. Думаю, что вы мне подходите. Условия контракта: плата в тысячу солидов в месяц, доля в добыче, полное медицинское обеспечение с омоложением и полное материальное содержание за счет корпорации. Первоначальный контракт только на работу в этом мире, но возможно и продление, когда мы двинемся в другие миры...

– Смеяться изволите над старым человеком, господин Серегин? – недоверчиво спросил Велизарий, переглянувшись с Антониной, – разве же кто-то в силе омолодить старика,

чтобы он снова начал бегать как юноша? Или вы и в самом деле бог, как только что изволили отрекомендоваться?

– Бог-то я бог, только медицина мне немного не по профилю, – произнес Серегин и обратился куда-то в пространство, – Лилия?

– Здесь я, Сергей Сергеевич, – откликнулась маленькая богиня, прямо из воздуха появляясь между Серегиным с отцом Александром и Велизарием с его супругой, – кого тут надо вылечить и от чего?

Антонина так и застыла с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова. У Велизария выдержки было побольше, да и Призыв Серегина он воспринял с полной готовностью, просто его рациональный ум до последнего сопротивлялся невероятным новостям. И вот теперь в его спальне прямо из воздуха появляется девочка...

– Вылечить надо сидящего здесь Велизария и его супругу, – сказал Серегин, – а болезнь их называется старость.

– Хм, – задумчиво произнесла Лилия по-русски, искоса глянув в сторону сидевших перед ней Велизария с супругой, – вылечить их от старости несложно, только хлопотно. Но зачем тебе это надо, Серегин, неужели для твоих дел нельзя найти кого помоложе?

– Старика зовут Велизарий, он гениальный военный тактик, и адекватной замены ему просто нет, – на том же языке ответил Серегин, – в то же время его жена при отсутствии особых талантов довольно неплохой политик, а это качество

при наличии рядом константинопольского гадюшника будет нам совсем не лишним. Кроме всего прочего, без своей дражайшей половины этот человек никуда не пойдет, и это его качество мне тоже очень импонирует.

– Думаешь привязать их Большой Клятвой? – поинтересовалась Лилия, теперь с гораздо большим любопытством оглядывая сидящих перед ней людей.

– Клятвой привязывать надо только женщину, – ответил Серегин, – сам Велизарий и так уже слышит Призыв, поэтому он в в любом случае мой.

– Ну хорошо, уговорил! – вздохнула Лилия, оборачиваясь к Велизарию с Антониной уже в белом халате, со стетоскопом в ушах и большим зеркалом отоларинголога на лбу.

А вот эта игрушка появилась у нее совсем недавно, уже после знакомства с Галиной Петровной. Интересно, оно имеет какой-нибудь практический смысл или это только имитационный аксессуар, вроде шаманских бубенчиков, призванных отвлечь на себя внимание клиента?

– Ника, милочка, – сказала тем временем Лилия, – добавь, пожалуйста, мне света, а то тут что-то темновато.

Кобра щелкнула пальцами, и тусклые огоньки развешанных по стенам масляных светильников вдруг вспыхнули яростным бело-голубым светом, отчего в комнате стало так же светло, как в солярии с кварцевой лампой. Серегин, отец Александр, Ника, Анастасия, Колдун и Анна Сергеевна одинаковыми жестами достали из нагрудных карманов и наде-

ли магические фототропные очки, а Велизарий с Антониной болезненно зажмурились.

– Еще сильнее! – скомандовала Лилия, опуская на правый глаз зеркало, и добавила на койне, – больные, замрите, вдохните и не дышите. Раз, два, три. Готово! Выдохнули! Ника, дай нормальный свет – сеанс окончен.

– Ну что, Лилия, – спросил Серегин, – какие выводы?

– Все нормально, – на койне ответила Лилия, убирая зеркало, – жить будут, причем оба. Дух Фонтана за несколько сеансов поставит их на ноги и вернет молодость. А в качестве маленькой демонстрации...

Одновременно с этими словами Лилия очутилась рядом с Антониной и на мгновение коснулась указательным пальцем ее правой сухой сморщенной старушечьей руки, лежащей поверх колена. Дальнейшее повергло в шок не только Велизария и его супругу. Раздался тонкий звон – и руку Антонины от кисти до локтя охватило жемчужное сиянье. Потом старая дряблая кожа с этой руки стала опадать сухими шуршащими лохмотьями, а из-под нее показалась молодая, свежая, розовая плоть, явно принадлежащая юной девушке. Антонина взвизгнула и уставилась на свою старую-новую руку, ошарашено рассматривая ее со всех сторон. Но на этот раз первым пришел в себя все же Велезарий.

– Кто вы такие, – спросил он глухим голосом у Серегина, – и откуда вы взялись со всеми вашими чудесами? Теперь я верю, что вы можете даровать нам с Антониной вторую мо-

лодость, но не будет ли это даром врага рода человеческого, который есть еще и отец лжи, и лев рыкающий?

Неожиданно в разговор вступил тот, от кого этого меньше всего ждали.

– Веруешь ли ты, сын мой, в Святую Троицу: в Отца и Сына и Святого Духа? – неожиданно раздался громыхающий голос отца Александра, взявшегося правой рукой за свой крест. Еле заметный до того ореол вокруг его головы засиял как зенитный прожектор, а стены дома завибрировали от раскатов его голоса. Последний раз на такой силовой уровень взаимодействия с Небесным Отцом отец Александр выходил тогда, когда в самом начале приключений в других мирах прибил адскую тварь, увлекшую Серегина, Анну Сергеевну и их спутников в Подвалы Мироздания. Даже в храме херра Тойфеля Небесный Отец не демонстрировал своего присутствия таким явным способом. Наверное, если бы не магический сон, наложенный Анной Сергеевной на охранников-схолариев, то все бы они проснулись и сбежались бы посмотреть на обладателя такого роскошного командного голоса. А потом они с визгом бы дернули оттуда во все стороны, потому что пусть Отец даже и не мстителен и легко отпускает грехи, но под горячую руку ему лучше не попадаться.

– Писец, – шепнула Лилия Серегину, – дядя проснулся и принялся бушевать. Бедняга Велизарий. Спасайся кто может!

– Т-с-с-с!!! – ответил Серегин, – все будет хорошо.

Так и получилось. Велизарий быстро пришел в себя и покорно склонил облысевшую голову перед отцом Александром, а по сути, перед самим Небесным Отцом.

– Верую, Отче, – вдохновенно сказал он, – прошу простить мои сомнения и ответить на вопрос, не будут ли во зло предлагаемые мне дары, и не погублю ли я свою бессмертную душу, согласившись на сделанное мне предложение?

– Нет, нет и еще раз нет, – ответил священник голосом Небесного Отца, – потому что вместе с Серегиным ты часть Великого Замысла и часть Великой Битвы, которую вы, смертные, называете то Рагнареком, то Армагеддоном, то другими не менее громкими именами, вроде Третьей Мировой Войны или Мировой Революции. Великая схватка Добра со Злом прокатывается по множеству миров, почти одновременно впавших в ужас войн на уничтожение. Ты, сын мой, должен быть там же, где и Серегин, стоять рядом с ним, быть его правой рукой, вместе побеждать его врагов и не отступать от него ни на шаг. Ибо если между вами образуется хоть малейшая трещина, то враг рода человеческого, которого ты только что тут помянул, обязательно сунет в нее свой змеиный язык. Помни, Серегин действует с моего ведома и по поручению, и что бы он ни делал – все идет на пользу всему роду человеческому во всех мирах.

Велизарий поцеловал протянутый ему крест и выпрямился – вроде бы даже уже помолодевший лишь от сознания то-

го, что самая высшая сила во всех мирах признала его нужным, полезным и необходимым, и призвала к себе на службу. А ведь никакого магического лечения еще не было – вот что с человеком может сделать одно лишь осознание его нужности.

– Так все же, господин Серегин, – спросил он, – кто вы такие и откуда вы взялись? Спрашиваю не из чистого любопытства, а для того, чтобы понять, в какие бездны мне придется погрузиться, если уж милая и с виду безвредная женщина подобно Сирене способна погрузить в сон сколько угодно здоровых и сильных мужей.

– Вот тут вы ошибаетесь, – ответил Серегин, – особые таланты, которыми обладаю я и мои друзья, не имеют никакого отношения к нашему родному миру, потому что в нем они оставались нераскрытыми и не востребованными, а понадобились только в противоположном ему мире, который Отец Небесный называет Подземельем Мироздания. Упав по воле Провидения туда, на самое дно, мы теперь ступенька за ступенькой поднимаемся обратно вверх, и ваш мир – это только очередная остановка, третья с момента начала подъема. Везде, во всех мирах, мы должны бороться с различными неустройствами, поддерживая добрых людей и повергая в битвах злых. И каждый раз, пока мы не выполним поставленную перед нами задачу, нас просто не пропускают дальше в следующий мир. Так что я в вашем мире проездом, и, как видите, Отец Наш Небесный считает, что в нем есть та-

кие неустройства, которые требуют моего безусловного вмешательства. А это значит, что при любом развитии событий этот мир не останется прежним, а пойдет своей дорогой, отличной от дорог другим миров.

Но впрочем, скоро рассветет, и мне не хотелось бы и дальше вести здесь бесконечные разговоры. Если вы уже все для себя решили, то пора отправляться туда, где мы разбили свой лагерь, и там начать вникать в дела и приступать к процессу лечения.

– Пойдите, – остановил Серегина Велизарий, – есть еще один вопрос, и он тоже важен для меня как жизнь и смерть. Не собираетесь ли вы, подобно другим варварам, напасть на Империю с целью ее ограбления и унижения? Всего два года назад я отражал такой набег булгар, а славяне переправляются через Дунай в провинции Империи по несколько раз в год. Поймите, Империя – это мой дом, моя родина, мои мать и отец, и я не смогу воевать против нее...

– Клянусь, – сказал Серегин, – что воевать вам по большей части придется против степных варваров разных мастей, и что я сам ни при каких условиях не собираюсь нападать на Византию, грабить ее, угонять в рабство ее жителей и разорять ее храмы. Но с той же определенностью должен сказать, что ваша империя ревнива как некрасивая старуха, и почуяв, что рядом появилось молодое, сильное и свободное государство, она всеми силами попытается его уничтожить. Я поклялся, что не буду нападать сам, но не обещал, что не буду

защищаться. На этом у меня, пожалуй, все; не знаю, устроили ли вас мой ответ...

– Ваш ответ меня устроил, – сказал Велизарий, вставая, – я и сам не слишком большой любитель подставлять правую щеку после того, как меня ударили по левой. Антонина, собирайся, мы покидаем это место, и как можно скорее.

– Не забудьте прихватить с собой Прокопия Кесарийского, – сказал Серегин, – у меня на него отдельный заказ, ибо кто, как не он, знает все хитросплетения здешней политики.

– Ну да, – усмехнулся Велизарий, позвонив в колокольчик, – куда же мы без старого плута?

* * *

7 августа 561 Р.Х. день четвертый, Рассвет. Левый берег Днепра чуть ниже по течению острова Хортица и напротив Перетопчего брода, Временный полевой лагерь кочевья тудуна (наследника), в нашем мире будущего кагана Баяна II

Перед самым рассветом густой туман окутал низменный левый берег Днепра, на котором ночевали обры. Когда рассвело, выяснилось, что часовые не видят не только степи вокруг, но и пальцев вытянутой перед собой руки. Встающее на востоке солнце казалось обрам бледно-розовым кругом, не греющим и едва светящим сквозь белую клубящуюся муть. С высоты птичьего полета, на которой обычно парят степ-

ные стервятники, все это выглядело так, будто долину Днепра затопило прорвавшееся молочное озеро с торчащими из него вершинами бугров на низменном левом берегу и скалами крутого и обрывистого правого берега. Пройдет еще полчаса – и жгучие лучи поднимающегося солнца разгонят эту туманную мглу и видимость снова станет миллион на миллион, но обрам этого времени дано уже не было.

Еще в сумерках, как раз в тот момент, когда «пятерка» Серегина закончила свои дела с Велизарием и вернулась в Зброшенний город мира Содома, неподалеку от полевого лагеря обрыв бесшумно раскрылся портал, из которого колонной по четыре на рысях начали выезжать побрякивающие амуницией воительницы сначала рейтарских, а потом и уланских полков. Стремителен марш сытых здоровых коней, тусклы крашенные в маскировочный цвет доспехи, мрачны под касками лица воительниц, трепещет над знаменной группой священное алое знамя, и тихо фигеет пожелавший посмотреть на эту картину Велизарий. По сравнению с этим воинством Серегина лучшие войска империи, конные лучники-гиппотоксаты, выглядят завзятыми анархистами, а императорские гвардейцы ескувиторы обабившимися придворными щеголями. Но самое главное – оно не снаружи, оно изнутри. Многочисленные заклинания, наложенные на воительниц, не видны человеку, не имеющему магического взгляда, но от них наэлектризованный воздух начинает пахнуть озоном. Помимо заклинания охранного ветра,

на воительниц наложены заклинания, увеличивающие прочность доспехов, здоровье воительниц, силу удара их мечей и копий, а также пробивную силу и точность их арбалетных болтов. Весь этот комплекс был наложен на них раньше, но сегодня к нему добавилось еще одно весьма немаловажное заклинание, именуемое «истинный взгляд» – теперь воительницы способны видеть во тьме и тумане, посреди пыльной бури и сквозь завесу вражеских иллюзий. «Истинный взгляд» позволяет видеть вещи такими, какие они есть, мгновенно находить слабое место во вражеской защите и наносить туда сокрушительный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.